Pδ 15/1740

4

Современная Библіотека.

Р 15/Р 1740

Н. Мировичъ.

6

Очерки изъ исторіи великой французской революціи.

62

Камиллъ Дэмуленъ.

Цѣна 15 коп.

Изданіе
Т-ва И. Д. Сытина.

Современная Библіотека.

P 15
1740

Н. Мировичъ.

Очерки изъ исторіи великой французской революціи.

Камиллъ Дэмуленъ.

Изданіе
Т-ва И. Д. Сытина.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1 іюля 1905 г.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
92766-48

2020125862

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА.—1906.

Камиллъ Дэмуленъ.

Камиллъ Дэмуленъ.

Камиллъ-Дэмуленъ.

ЭТЮДЪ

I.

Интересъ, представляемый личностью Камилла Дэмулена.— Характерныя его черты.— Дѣтство Дэмулена и юношескіе годы.

Въ исторіи французской революціи рельефно выступаютъ образы знаменитыхъ ея дѣятелей—Мирабо, г-жи Роланъ, Верньо, Барбару, Кондорсэ, Робеспьера и др.: они представляются намъ съ рѣзко опредѣленными чертами, фигурами какъ бы отлитыми въ сталь. Рядомъ съ ними образъ Камилла Дэмулена, порывисто и страстно увлекающагося, съ чертами измѣнчивыми, неопредѣленными, отражающими вѣчно мѣняющееся настроеніе, нервное и неустойчивое, какъ у капризной женщины,—рядомъ съ ними образъ Камилла Дэмулена блѣднѣетъ и слегка стушевывается. Что-то невыдержанное, женоподобное проглядываетъ въ его постоянныхъ переходахъ отъ веселости къ грусти, отъ смѣха къ слезамъ, въ его увлеченіяхъ и вспышкахъ гнѣва. А между тѣмъ Камиллу Дэмулену, при всѣхъ его недостаткахъ, нельзя отказать въ уваженіи и сочувствіи. У него было одно рѣдкое, неоцѣненное качество — любовь къ человѣчеству, способность къ самопожертвованію, пренебреженіе личнымъ благомъ ради блага общественнаго.

Бросаясь изъ одной крайности въ другую, переходя отъ нетерпимости къ гуманности, отъ жестокости къ состраданію, этотъ enfant terrible de la révolution, какъ называетъ его одинъ историкъ, является типическимъ представителемъ своей націи и своей эпохи. Въ характерѣ и темпераментѣ Камилла, прежде всего, отражается вліяніе его отчизны, Пикардіи, богатой,

плодородной страны, породившей не мало дѣятельныхъ энергическихъ личностей, борцовъ за религію и политическія идеи. Изъ Пикардіи вышли Петръ Пустынникъ и Кальвинъ, Сенъ-Симонъ, Бабёфъ и Кондорсэ. Въ средніе вѣка борьба за эмансипацію коммунъ съ особенной силой разразилась здѣсь — въ «холерической Пикардіи», какъ называетъ ее Мишлэ: уроженцы ея всегда отличались пылкой головой, легко воспламеняющимся воображеніемъ, страстнымъ темпераментомъ. Въ то же время, въ характерѣ пикардійцевъ проглядываетъ и другая сторона — разсудительность, здравый смыслъ, приправленный остроуміемъ и лукавствомъ. Эти свойства отличали м. пр. отца Камилла, служившаго въ гизскомъ бальяжѣ.

Это былъ человѣкъ серьезный, всѣми уважаемый, труженикъ и хорошій семьянинъ. Мать Камилла, Магдалина Годаръ, имѣла небольшое состояніе, едва хватавшее на воспитаніе дѣтей — трехъ сыновей и двухъ дочерей. Старшій, Камиллъ, способный, живой и остроумный мальчикъ уже съ раннихъ лѣтъ подавалъ большія надежды. Едва ли онѣ могли бы осуществиться при отсутствіи матеріальныхъ средствъ, если бы не содѣйствіе дальняго родственника Дэвьевфиля, бывшаго парламентскаго адвоката: онъ принялъ участіе въ юношѣ и выхлопоталъ ему стипендію въ коллежѣ Louis le Grand. Здѣсь, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, Камиллъ съ увлеченіемъ изучалъ исторію, философію, право; его прилежаніе и природныя способности вскорѣ обратили на него вниманіе учителей. Одновременно съ нимъ, но тремя классами старше, въ томъ же коллежѣ воспитывался другой будущій дѣятель революціи—Максимильянъ Робеспьеръ. Трудно представить себѣ болѣе противоположные характеры, какъ эти два юноши: одинъ — пылкій, экспансивный, живой, остроумный — стремился къ общенію съ внѣшнимъ міромъ; мысль его такъ же быстро воплощалась въ слово, какъ слово — въ дѣло. Другой — сдержанный, сосредоточенный и скрытный, казался ушедшимъ въ себя: въ немъ уже таились задатки будущаго фанатика-доктринера, упорнаго, педантичнаго, сухо-витіеватаго, неумолимо жестокаго въ проведеніи своихъ политическихъ идей. Въ коллежѣ Louis le Grand Камиллъ Дэмуленъ познакомился съ Максимильяномъ Робеспьеромъ и близко съ нимъ сошелся. Однимъ изъ главныхъ поводовъ къ ихъ сближенію послужилъ общій культъ героевъ древняго міра. Они вмѣстѣ увлекались Цицерономъ, Луканомъ, Тацитомъ, мечтами о созданіи республики наподобіе Греціи и Рима. По свидѣтельству Робеспьера, большое вліяніе въ этомъ отношеніи имѣлъ на нихъ профессоръ коллежа, Герио. Описывая своимъ ученикамъ ве-

личіе древнихъ республикъ, геройство политическихъ дѣятелей Греціи и Рима, онъ «въ концѣ-концовъ всецѣло проникся этими идеями и сдѣлался ревностнымъ республиканцемъ... Онъ вызывалъ передъ учениками старинныя тѣни Гракховъ, воздвигалъ трибуну среди форума... наполнялъ сенатъ и площадь почтенными старцами, посѣдѣвшими на службѣ отечества, или громадной толпой — цѣлымъ народомъ, который обсуждалъ избраніе своихъ делегатовъ, обвинялъ, судилъ, наказывалъ и затѣмъ, съ своими вождями во главѣ, возвращался къ сохѣ, воздавъ благодареніе богамъ»[1]... Горячая проповѣдь профессора-республиканта должна была оставить яркій слѣдъ на всей дальнѣйшей дѣятельности его учениковъ. Первые республиканцы 1789 г. были молодые люди, подъ вліяніемъ чтенія Цицерона проникнувшіеся страстной любовью къ свободѣ. «Насъ воспитывали въ школахъ Рима и Аѳинъ,—писалъ впослѣдствіи Дэмуленъ[2]),—въ республиканской гордости, чтобы жить въ униженіи монархіи при Клавдіяхъ и Вителліяхъ; безсмысленное правительство, воображавшее, что мы можемъ увлекаться нашими праотцами Капитолія, не возненавидѣвши Версальскихъ угнетателей, и восхищаться прошедшимъ, не осуждая настоящаго, — ulteriora mirari, praesentia secuturos». Изъ немногихъ свѣдѣній, сохранившихся объ ученическихъ годахъ Камилла Дэмулена, мы знаемъ, что онъ считался хорошимъ ученикомъ въ коллежѣ Louis le Grand, хотя занимался лихорадочно, поспѣшно и непослѣдовательно. Увлекаясь различными отраслями литературы, Камиллъ не пренебрегалъ и поэзіей; но попытки его въ этой области нельзя назвать удачными, если судить по его «Epître à m-rs les administrateurs du collège Louis le Grand» — бездарное стихотвореніе, написанное при выходѣ изъ коллежа, въ сентиментально-идиллической формѣ изображающее восторженное настроеніе автора:

„Je vis aves ces grecs et ces romains fameux,
J'étudie une langue immortelle comme eux.
J'entends plaider encore dans le barreau d'Athènes:
Aujourd'hui c'est Eschine et demain Démosthènes.
Combien de fois avec Plaucius et Milon,
Les yeux mouillés de pleurs j'embrasse Cicéron“ и т. д.

Благодаря природнымъ склонностямъ и сентиментальной мечтательности, характеризующей XVIII в., Дэмуленъ неохотно отказался отъ поэтическаго творчества ради избранной имъ адво-

[1]) Mémoires authentiques de Maximilien Robespierre.
[2]) Histoire secrète de Révolution par C. Desmoulins.

катуры и до конца сохранилъ иллюзіи относительно своихъ поэтическихъ способностей. «Я родился, чтобъ быть поэтомъ», говорилъ онъ передъ смертью у подножія эшафота. Признаніе многозначительное, яркимъ лучомъ освѣщающее политическую дѣятельность Дэмулена съ ея трагической развязкой. Не это ли противорѣчіе между болѣзненной фантазіей, создававшей идиллическіе образы, и суровой дѣйствительностью, требовавшей знанія условій современной жизни, — не это ли роковое противорѣчіе вызвало отчасти недоразумѣнія и разладъ въ общественной дѣятельности Камилла Дэмулена?

Въ тотъ періодъ его жизни, о которомъ идетъ рѣчь, индивидуальныя черты его характера вызывали лишь мелкія столкновенія съ окружающей средой. Природная его пылкость и стремительность, въ соединеніи съ экзальтаціей, представляли рѣзкую противоположность съ хладнокровной разсудительностью и трезвымъ здравымъ смысломъ его соотечественниковъ въ Пикардіи. И когда Камиллъ возвращался на каникулы въ маленькій городокъ Гизъ, въ отношеніи ихъ къ нему проявлялось недоумѣніе, смѣшанное съ недовѣріемъ. Одинъ изъ біографовъ [1]) Дэмулена разсказываетъ, между прочимъ, характерный случай, какъ однажды, во время даннаго въ честь его родственнаго обѣда, кто-то изъ гостей вздумалъ посмѣяться надъ юношей, вызвавши споръ относительно такъ называемыхъ «новыхъ принциповъ». Камиллъ съ увлеченіемъ сталъ развивать свои идеи и, раздраженный насмѣшливымъ тономъ своего противника, все болѣе и болѣе горячился. Нѣсколько сарказмовъ вывели его изъ себя. Негодующій, блѣдный, съ пылающимъ взоромъ и весь дрожа, онъ бросилъ салфеткой въ лицо своего оппонента, отрицавшаго республику, вскочилъ на столъ и, среди общаго смятенія, обратился съ горячей рѣчью къ изумленной аудиторіи, громя и проклиная старый режимъ, превознося до небесъ новые принципы. Этотъ первый опытъ ораторской импровизаціи явился какъ бы предзнаменованіемъ политической дѣятельности Камилла Дэмулена. По окончаніи курса въ коллежѣ, Дэмуленъ обратился къ изученію права, въ сентябрѣ 1784 г. получилъ степень баккалавра, въ мартѣ 1785 г. — степень лиценціата и въ томъ же году принесъ присягу, въ качествѣ адвоката парижскаго парламента. Ему было въ это время около 25 лѣтъ.

О періодѣ его жизни отъ 1785 до 1789 г. сохранилось мало свѣдѣній. Остроумный и оригинальный публицистъ, выражавшій свои мысли живо, ярко и образно, Дэмуленъ не обладалъ даромъ

[1]) Edouard Fleury.

слова. Онъ нерѣдко терялся на трибунѣ, не находилъ подходящихъ выраженій, запикался; голосъ его звучалъ нетвердо и жестко. Правда, при сильномъ увлеченіи, недостатки эти стушевывались: робкій, смущенный ораторъ постепенно дѣлался увѣреннѣе и смѣлѣе, овладѣвалъ своимъ предметомъ и передавалъ свое настроеніе слушателямъ, затрогивая самыя отзывчивыя струны ихъ души. Но это случалось весьма рѣдко. Адвокатъ заурядный, Дэмуленъ принужденъ былъ добывать средства къ жизни перепиской бумагъ, составленіемъ прошеній и т. п. Въ свободныя минуты онъ сочинялъ пѣсни, эпиграммы. Незавидная доля для юноши, смотрѣвшаго на жизнь сквозь призму разгоряченной фантазіи, усвоившаго пріемы гражданина Греціи и Рима, витавшаго въ обществѣ Гракховъ, Катона, Брута и другихъ героевъ древняго міра! Принужденный кропотливымъ трудомъ зарабатывать кусокъ хлѣба, Дэмуленъ страстно стремился къ широкой дѣятельности, гдѣ осуществились бы новые принципы и гдѣ нашли бы примѣненіе его природныя дарованія. Онъ уже интинктивно чуялъ приближеніе грозы: электричество, носившееся въ концѣ 80 годовъ въ общественной атмосферѣ, наполняло его томительнымъ, трепетнымъ ожиданіемъ.

II.

Вліяніе на Дэмулена общественнаго настроенія Франціи въ 1789 г.—Отношеніе его къ началу революціи.—Взятіе Бастиліи.—Начало публицистической дѣятельности Дэмулена.—«Свободная Франція».—«Рѣчь Фонаря».

Воля Франціи, — говорилъ въ 1789 г. Малуэ, приверженецъ конституціонной монархіи, обращаясь къ министрамъ Людовика XVI, — воля Франціи созвала генеральные штаты; необходимо ей повиноваться... Принужденные прибѣгнуть къ совѣтамъ и помощи, вы уже не можете безъ нея обходиться; въ ея силѣ должны вы черпать вашу собственную силу» [1]). Предостереженіе запоздалое и напрасное въ минуту, когда пожаръ со всѣхъ сторонъ охватывалъ государство. Народъ, истощенный налогами и поборами, доведенный до той степени отчаянія, когда терять нечего и никакія кары уже не страшны; аристократія, изнѣженная и праздная, воспитанная въ культѣ собственнаго величія и въ презрѣніи ко всѣмъ, кто не входитъ въ ея сря-

---

[1]) Mémoires de Malouet.

щенный кругъ; королевскій дворъ, всецѣло поглощенный интригами и корыстными расчетами,—могли ли эти противоположные элементы не прійти въ столкновеніе въ моментъ, когда передовые умы Франціи горячо вступились за права угнетенной низшей братіи? Брошюры Неккера, Мирабо, Лингэ, подобно зажигательнымъ снарядамъ, повсемѣстно разносили идеи, которыя неизбѣжно должны были привести къ революціонному взрыву. Книжка Сіэса: «Что такое 3 сословіе?» въ три недѣли распространилась въ количествѣ 30 тысячъ экземпляровъ. Церутти, Таржэ, Клавьеръ, Кондорсэ, Бриссо и другіе — дѣятельно способствовали распространенію революціонныхъ идей. Общее увлеченіе не могло не захватить Камилла Дэмулена. «Историческое введеніе» къ Монитеру сообщаетъ, что въ 1788 году появилась брошюра: «La philosophie au peuple français», судя по подписи и общему духу, очевидно, принадлежавшая Камиллу Дэмулену. Эпиграфомъ къ ней выставлена мысль Сенеки: «Expergiscamur, ut errores nostros coarguere possimus. Sola autem nos philosophia excitabit, sola somnum excurtiet gravem!» По отзыву Монитера, Дэмуленъ обращался въ этой брошюрѣ къ народу, убѣждая его «возвратить себѣ свои права и прирожденную свободу», не падать духомъ и не слагать оружія передъ врагомъ; далѣе слѣдовало изложеніе проекта конституціи. Около того же времени Дэмуленъ написалъ «Оду»—стихотвореніе, въ литературномъ отношеніи весьма неудачное, но любопытное, какъ отраженіе его взглядовъ. Прославивши добродѣтели короля, авторъ въ горькой сатирѣ описываетъ положеніе націи:

„Pour les nobles toutes les grâces:
Pour toi, peuple, tous les travaux.
L'homme est estimé par les races
Comme les chiens et les chevaux
Pourtant au banquet de la vie
Les enfants qu'un père convie
Au même rang sont tous assis
Le ciel nous fit du même argile“ etc.
L'impôt prend sa course incertaine:
Dans le parc et dans le château
Il ne pose son pied qu'à peine
Et foule vingt fois le hameau“... и т. д.

Вступленіе Камилла въ революціонную дѣятельность и его настроеніе въ эту эпоху наиболѣе ярко характеризуется въ его письмахъ къ отцу. «Вчерашній день — одинъ изъ прекраснѣйшихъ въ моей жизни, — писалъ онъ 5 мая послѣ созванія Генеральныхъ Штатовъ.—Плохимъ надо быть гражданиномъ, чтобы не принять участія въ праздпованіи этого священнаго

дня». Въ слѣдующихъ письмахъ Дэмуленъ описываетъ событія, ознаменовавшія созваніе Генеральныхъ Штатовъ,— отказъ дворянства и духовенства соединиться съ третьимъ сословіемъ и мужественный, энергическій образъ дѣйствій послѣдняго. «Я занятъ теперь составленіемъ патріотическаго сочиненія,— писалъ онъ отцу въ началѣ іюня, подразумѣвая извѣстный впослѣдствіи памфлетъ Свободная Франція .— Завтра, въ воскресенье, я возвращаюсь въ Версаль. Я буду вдохновлять и вдохновляться... То, что происходитъ въ Версали, должно сильно ободрить нашихъ депутатовъ... Многіе, слышавшіе меня здѣсь,— прибавляетъ онъ съ наивнымъ самодовольствіемъ, — удивляются, что меня не выбрали депутатомъ — комплиментъ, невыразимо для меня лестный...» Въ дальнѣйшихъ письмахъ къ отцу, Камиллъ въ яркихъ, живыхъ краскахъ отмѣчаетъ первыя событія революціи. «Пожаръ усиливается, — пишетъ онъ. — «Iam proximus avdet Ucalegon». Французская гвардія отказалась отъ службы; начальство хотѣло наказать ее за неповиновеніе: 14 человѣкъ заключили въ тюрьму и хотѣли повѣсить для примѣра; они послали письмо въ Палэ-Рояль... Патріоты тотчасъ отправились къ тюрьмѣ, разбили двери и съ торжествомъ привели обратно гвардейцевъ; ихъ помѣстили въ Палэ-Роялѣ и немедленно отправили депутацію въ Національное Собраніе, чтобы добиться ихъ помилованія... Архіепископа едва не убили. Вашъ принцъ Кондэ [1]) не смѣетъ показываться. Онъ опозоренъ, ошиканъ, освистанъ... Нѣсколько дней тому назадъ 4-лѣтній ребенокъ, умный и развитой, разъ двадцать обошелъ садъ на плечахъ носильщика, крича: «Постановленіе французскаго народа. Полиньякъ изгнать за 100 лье отъ Парижа. Кондэ — также. Д'Артуа—также».

Передавая всѣ эти знаменательные факты, Дэмуленъ не выражаетъ ни ужаса ни опасеній; мягкосердечный и сентиментальный, какъ слабонервная женщина, онъ не содрогается при видѣ проявленій грубой, темной силы. Порою въ немъ проглядываетъ легкомысленный шалунъ, вѣтряный и безпечный, во всемъ улавливающій смѣшную сторону, съ безсознательной жестокостью подтрунивающій при видѣ страданій ближняго. Такъ, описывая звѣрскія насилія толпы, онъ вскользь замѣчаетъ: «Самые забавные памфлеты сыплются одинъ за другимъ; авторы соперничаютъ другъ съ другомъ, развлекая публику на счетъ оппозиціи». Революціонная горячка все сильнѣе захватывала Дэмулена. 12 іюля она достигла высшаго предѣла. Всѣмъ извѣстны обстоятельства, предшествовавшія взя-

[1]) Принцъ Кондэ часто бывалъ въ Гизѣ у Дэмулена-отца.

тію Бастиліи: раздраженіе всего населенія, подстрекаемаго вожаками, раздраженіе, все болѣе усиливавшееся подъ впечатлѣніемъ двойственнаго образа дѣйствій правительства. Отставка Неккера явилась послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія. Горючіе элементы накопились и сосредоточились въ столицѣ: одна искра — и пожаръ готовъ былъ охватить весь городъ. Такой искрой явилась знаменательная рѣчь Дэмулена въ Палэ-Роялѣ. Молодой человѣкъ, еще наканунѣ никому неизвѣстный, съ этой минуты сталъ достояніемъ исторіи. Вотъ какъ онъ описываетъ въ письмѣ отцу событіе 12 іюля: Весь Парижъ былъ пораженъ отставкой Неккера; напрасно пытался я воспламенить умы, никто не брался за оружіе. Въ три часа я отправился въ Палэ-Рояль; я со скорбью говорилъ въ одной группѣ о нашей общей трусости, какъ вдругъ мимо насъ прошли трое молодыхъ людей, крича: «къ оружію!» Камиллъ присоединился къ нимъ; видя его рвеніе, его окружили, убѣждая влѣзть на столъ: въ одну минуту вокругъ него собралась толпа въ 6 тысячъ человѣкъ. «Граждане, — сказалъ онъ, — вы знаете, что нація просила оставить Неккера и воздвигнуть ему памятникъ: его изгнали! Возможно ли болѣе дерзко глумиться надъ вами? Послѣ этого они все посмѣютъ и уже сегодня они, быть-можетъ, готовятъ Варѳоломеевскую ночь для патріотовъ .

Задыхаясь отъ волненія, Камиллъ, по собственному признанію. говорилъ несвязно и безпорядочно; но пламенное его одушевленіе магнетическимъ токомъ сообщилось толпѣ. «Къ оружію,— воскликнулъ онъ, — къ оружію! Возьмемъ зеленыя кокарды — цвѣтъ надежды». Кончивъ импровизацію, Дэмуленъ сошелъ внизъ; окружающія незнакомыя ему лица цѣловали, обнимали его, предлагая охранять его и слѣдовать за нимъ, куда онъ поведетъ ихъ. Камиллъ объявилъ, что отказывается отъ роли вождя и предпочитаетъ быть солдатомъ отечества. Затѣмъ онъ взялъ зеленую ленту и первый навязалъ ее на шляпу... Увлеченная его горячей рѣчью, толпа народа бросилась къ Бастиліи и приступомъ взяла старинную крѣпость. Имя Дэмулена въ нѣсколько часовъ прогремѣло въ Парижѣ. «Значительная часть столицы,— писалъ Камиллъ отцу [1]),— называетъ меня въ числѣ главныхъ виновниковъ революціи. Многіе говорятъ даже, что я — ея виновникъ!»

День 12 іюля положилъ начало публицистической дѣятельности Дэмулена. Еще 3 іюня онъ упоминалъ въ письмѣ къ отцу о занимавшей его публицистической работѣ. Это былъ

[1]) 20 сентября 1789 года

памфлетъ, извѣстный подъ названіемъ «Свободная Франція». 20 іюня онъ передалъ рукопись для напечатанія своему издателю Моморо. Послѣдній, будущій гебертистъ 93 года, въ то время нашелъ брошюру Дэмулена слишкомъ радикальной и отказался напечатать ее. На слѣдующій же день послѣ взятія Бастиліи опасенія Моморо разсѣялись, и 18 іюля «Свободная Франція» появилась въ продажѣ, разнося по всей странѣ славу Дэмулена. Письма, изъявленія сочувствія и восторга сыпались на счастливаго автора. «Вы способствовали революціи... Вы геніальный человѣкъ», писалъ ему 13 декабря нѣкто Мангурп, предлагая ему свое сотрудничество. Другой, нѣкто гражданинъ Бобуръ, рекомендуя ему оперу своего сочиненія, напоминалъ Дэмулену, что онъ «первый помогъ ему влѣзть на волшебный столъ Палэ-Рояля, окруженный тысячами гражданъ». — «Ваши послѣдніе номера полны прекрасныхъ вещей,—писалъ ему высокомѣрный и тщеславный Сенъ-Жюстъ. — Аполлонъ и Минерва, видно, еще не покинули васъ». — «Какія я получаю письма, какія слышу лестныя истины,— съ наивной гордостью говорилъ Камиллъ отцу, относившемуся къ его революціонному увлеченію съ опасеніемъ и недовѣріемъ.—Одинъ называетъ меня лучшимъ писателемъ; другой — самымъ ревностнымъ защитникомъ свободы» [1]).

Что же представляетъ собою брошюра «Свободная Франція», «La France libre», въ свое время надѣлавшая столько шума и въ значительной степени содѣйствовавшая распространенію революціоннаго пожара? Написанная талантливо и живо, «Свободная Франція» не заключала въ себѣ ничего самобытнаго и новаго; нѣтъ въ ней ни глубокихъ мыслей ни строгой послѣдовательности. Но всѣ недостатки сочиненія исчезаютъ и стушевываются за блестящей стилистической формой. Не даромъ Камиллъ воспитался на чтеніи Цицерона, Тацита, Лукана. Слогъ его—блестящій, яркій, полный живыхъ образовъ, мѣткихъ характеристикъ, смѣлыхъ уподобленій. И въ каждой строкѣ проглядываютъ характерныя особенности автора — увлекающагося, искренно и глубоко преданнаго республиканскимъ идеямъ, но, въ то же время, невыдержаннаго и легкомысленнаго, способнаго, въ пылу увлеченія, произнести роковое слово, которое поведетъ къ величайшимъ преступленіямъ и бѣдствіямъ. Въ страстномъ краснорѣчіи Дэмулена, въ его нервномъ, впечатлительномъ темпераментѣ отражались идеи, надежды, стремленія и химеры массы. И масса горячо отозвалась на его воззваніе:

[1]) Письмо 31 декабря 1789 г.

въ нѣсколько дней «Свободная Франція» разошлась въ громадномъ количествѣ экземпляровъ Въ то же время брошюра вызвала взрывъ негодованія со стороны роялистовъ и правительственныхъ сферъ. Монахи въ Оперонѣ разнесли книжную лавку, гдѣ была выставлена «Свободная Франція», Тулузскій парламентъ присудилъ брошюру къ сожженію палачомъ. Дэмуленъ отвѣтилъ на эту демонстрацію, посвятивши членамъ парламента свое второе произведеніе «Рѣчь Фонаря», «Le discours de la lanterne». «Примите, въ знакъ моей благодарности, посвященіе этого второго изданія, — говоритъ онъ, между прочимъ, въ предисловіи, — и да удостоится отъ васъ мой «Фонарь» той же чести! Сомнѣваюсь, чтобы это младшее чадо имѣло такой же успѣхъ, какъ старшее; но, прошу васъ, не сѣйте зависти среди моей семьи! Рѣчь Фонаря»—одно изъ самыхъ извѣстныхъ произведеній Дэмулена. Здѣсь, въ фантастической рѣчи, съ которой «Фонарь» обращается къ парижанамъ, излагаются политическіе взгляды Дэмулена, въ формѣ рѣзкой и крайней. При чтеніи памфлета Дэмулена, вспоминается толпа уличныхъ мальчишекъ, обезглавившихъ, послѣ повѣшенія, Фулона и Бертье, полдюжины кошекъ и съ торжествомъ, крикомъ и смѣхомъ несшихъ окровавленныя головы по улицамъ Парижа. И этой чертой Камиллъ Дэмуленъ опять-таки является типическимъ представителемъ своей націи и своего времени. Безсердечіе и жестокость не присущи ему: гуманный отъ природы, онъ способенъ на величайшіе подвиги самопожертвованія; но это, прежде всего, человѣкъ минуты, увлеченія, порыва; боевой пылъ всецѣло охватываетъ его, застилая передъ глазами дѣйствительность, заставляя забывать всякія границы и мѣру; и онъ бросается въ ряды враговъ, не разбирая препятствій, нанося удары направо и налѣво, не слыша стоновъ падающихъ жертвъ, не замѣчая льющейся крови... Къ этому свойству присоединяется другая черта, характеризующая конецъ XVIII вѣка,—извѣстное легкомысліе, способность шутить и улыбаться на краю могилы. «Что такое гильотина? Щелчокъ по шеѣ — и только», говорилъ присужденный къ смерти Ламуреттъ. Жизнь въ то время цѣнилась весьма низко—неизмѣримо ниже идей и принциповъ, стремившихся улучшить эту самую жизнь. Отвлеченными идеями заключается и памфлетъ Дэмулена. Онъ развертываетъ передъ читателемъ картину будущей республики, олицетворяющей собой золотой вѣкъ человѣческой исторіи. Въ этой утопіи идеалы Руссо страннымъ образомъ перемѣшаны съ идеалами древняго міра. Предъ нимъ рисуется громадный союзъ людей, соединенныхъ узами братской любви, наслаждающихся

безоблачнымъ счастьемъ, собирающихся на общественныхъ пирахъ, подобно гражданамъ Спарты и Аѳинъ. При этомъ авторъ вспоминаетъ древній праздникъ Сатурналій, видя въ немъ какъ бы прообразъ принциповъ 89 года. «Этотъ праздникъ, — говоритъ онъ, — учрежденъ для напоминанія о первоначальномъ равенствѣ... Не было ни судовъ, ни школъ, ни сената, ни войны. Всѣ сословія сливались воедино. Бѣдныхъ угощали за столомъ безъ различія соціальнаго положенія. Въ идеальной республикѣ Дэмулена добродѣтель и счастье являлись синонимами; ничто не должно было нарушать этотъ вѣчный праздникъ—ни суровыя церковныя догмы, ни стоическія требованія морали, ни давленіе правительственной власти... Я мечталъ,— говорилъ онъ впослѣдствіи, — о республикѣ, которую всѣ бы любили». Памфлетъ Дэмулена заканчивается словами гуманности, свободы и братской любви. Своеобразная его форма, страстность обличенія, въ соединеніи съ краснорѣчіемъ и юморомъ, обратили на него всеобщее вниманіе. Въ письмахъ Дэмулена по поводу «Рѣчи Фонаря къ патріотическому одушевленію примѣшивается торжество и наивная гордость честолюбца, долго приниженнаго и, наконецъ, выбившагося на широкую дорогу. Указывая [1]) на то, что онъ всегда держался тѣхъ принциповъ, которые публично теперь исповѣдывалъ, онъ сознавался, какъ пріятно ему «стать на свое мѣсто, показать свою силу тѣмъ, которые прежде его презирали, отомстить судьбѣ, сравняться съ тѣми, которыхъ она надъ нимъ возвышала». «Мой девизъ,—писалъ Дэмуленъ,— Caesar vi priorem»... Опьяненный успѣхомъ, Дэмуленъ шутливо принимаетъ данное ему прозвище «генеральнаго прокурора Фонаря»— зловѣщее названіе, которое онъ впослѣдствіи долженъ былъ горько оплакивать [2]).

[1] Въ письмѣ отъ 20 сентября 1789 г.

[2]) Годомъ позднѣе Дэмуленъ поздравлялъ себя съ отставкой отъ званія «генеральнаго прокурора Фонаря» и, говоря о яростной народной толпѣ, провозглашавшей себя верховнымъ судьей, замѣчалъ: «Опасно народу осваиваться съ подобными играми». И около того же времени въ письмахъ къ Марату, возмущаясь по поводу народныхъ экзекуцій, онъ говорилъ: «Маратъ, не къ добру ведете вы насъ!»

III.

Матеріальная необезпеченность Дэмулена.—Отношенія его къ Мирабо.—Увлеченія Дэмулена.—Праздникъ Федераціи.

Уже осенью 1789 г., въ разгарѣ своей славы, Камиллъ Дэмуленъ почувствовалъ, что зашелъ слишкомъ далеко въ угожденіи народнымъ страстямъ. Въ его ликующемъ настроеніи минутами прорываются минорныя ноты. «Рѣчь Фонаря», — писалъ онъ отцу 20 сентября,—не стоитъ «Свободной Франціи», и уронила бы меня въ общественномъ мнѣніи, если бы я подписался. Однако я слышалъ о ней хорошіе отзывы». И въ другомъ письмѣ 29 сентября: «Мой «Фонарь» производитъ такое же впечатлѣніе, какъ «Свободная Франція». Три дня тому назадъ кто-то назвалъ меня въ передней Собранія, при чемъ всѣ присутствующіе, многіе депутаты трехъ сословій посмотрѣли на меня съ любопытствомъ, лестнымъ для моего самолюбія... И все-таки я не очень счастливъ, — прибавляетъ онъ. — Иногда жизнь представляется мнѣ прекрасной, а въ слѣдующую минуту я нахожу ее отвратительной, и такъ по десяти разъ въ день». Перемѣнчивости настроенія Дэмулена не мало способствовали обстоятельства частной жизни, представлявшія рѣзкую противоположность съ его внѣшними блестящими успѣхами. Литературный заработокъ Камилла далеко не соотвѣтствовалъ его популярности: при самомъ скромномъ образѣ жизни, онъ часто нуждался въ предметахъ первой необходимости. Въ письмахъ своихъ, жалуясь на гнетущую его нужду, онъ говоритъ, что хотя «мало есть лицъ, которымъ бы онъ могъ позавидовать, но его «Фонарь», обогатившій книгопродавца, доставилъ ему всего 12 луи»; при этомъ онъ умоляетъ отца прислать ему «6 луи, кровать и пару простынь». «Неужели, — писалъ онъ,— у меня нѣтъ ни семьи ни собственности? Ни отца ни матери?.. Изумительно! Вотъ уже десять лѣтъ, какъ я все жалуюсь, и мнѣ легче было произвести революцію, перевернуть всю Францію, чѣмъ добиться отъ роднаго отца, чтобы онъ помогъ мнѣ устроиться. Что вы за человѣкъ! При всемъ вашемъ умѣ и добродѣтеляхъ, вы не сумѣли понять меня. Вы всегда меня несправедливо обвиняли, звали меня расточителемъ, мотомъ, а я никогда не былъ ни тѣмъ ни другимъ»... Въ этихъ горькихъ жалобахъ слышится преувеличенная нота, преобладающая въ настроеніи Дэмулена. Хорошее и дурное — все въ его

болѣзненномъ воображеніи принимало гиперболическіе размѣры. Недовѣріе къ его политическимъ успѣхамъ отца и родныхъ больно задѣвало его самолюбіе. Онъ, одну за другой, посылалъ въ Гизъ всѣ свои статьи и памфлеты, критическіе отзывы печати, самые лестные и сочувственные; все было напрасно! Дэмуленъ-отецъ, человѣкъ здраваго смысла, разсудительный, осторожный, скептически относился къ грому рукоплесканій, привѣтствовавшихъ политическіе дебюты сына. Онъ не ослѣплялся лучами славы, внезапно его осѣнившей, какъ бы предчувствуя ея эфемерность, и, читая восторженныя письма сына, онъ грустно улыбался, недовѣрчиво покачивая головой.

Оскорбленный скептическимъ отношеніемъ къ своей дѣятельности семьи, Дэмуленъ обращался за поддержкой къ представителямъ либеральной партіи 89 года,—къ Дантону, Робеспьеру, Тарже, Мирабо и др. Послѣдній, какъ видно изъ письма Камилла, прилагалъ всѣ старанія, чтобы завербовать талантливаго молодого писателя: тонкая лесть, дружеское вниманіе, гостепріимство — онъ прибѣгалъ ко всѣмъ средствамъ, чтобы склонить его на свою сторону. «Мирабо предлагаетъ мнѣ быть сотрудникомъ въ его газетѣ,—я колеблюсь», пишетъ Дэмуленъ отцу 22 сентября; и недѣлей позднѣе: «Вотъ уже восемь дней я въ Версали у Мирабо... Изъ Собранія онъ возвращается къ обѣду... и мы пьемъ прекрасныя вина. Я чувствую, что столъ его, слишкомъ тонкій и обильный, развращаетъ меня. Бордосскія вина и мараскинъ имѣютъ свою цѣну, которую я тщетно стараюсь отъ себя скрыть, и мнѣ послѣ этого крайне трудно возвращаться къ моей республиканской суровости.

Личное обаяніе и престижъ Мирабо не могли временно не оказать вліянія на Дэмулена, отъ природы слабохарактернаго, естественно стремившагося найти опору въ болѣе сильномъ. Но, чувствуя свою слабость, онъ боролся противъ этого вліянія, отстаивая свою самостоятельность, ревниво охраняя неприкосновенность своихъ политическихъ взглядовъ. Уже въ «Рѣчи Фонаря», по поводу агитаціи Мирабо въ пользу королевскаго veto, Дэмуленъ выступаетъ съ словомъ протеста. «Я сожалѣю, — писалъ онъ, обращаясь къ Мирабо, — что тебя обвиняютъ въ поддержкѣ придворной партіи и говорятъ, будто бы ты сказалъ, что, если король не получитъ veto, лучше жить въ Константинополѣ. Это— клевета, и слишкомъ велико было бы противорѣчіе съ принципами [1])».

---

[1]) Послѣ рѣзкаго возраженія Мирабо противъ VI главы «Свободной Франціи», гдѣ проводились республиканскія идеи, Дэ-

Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе должно было обозначиться рѣзкое разногласіе между двумя общественными дѣятелями, принадлежавшими къ разнымъ лагерямъ, несходными по характеру и взглядамъ. «Святой, божественный Мирабо», какъ величалъ его вначалѣ Дэмуленъ, превратился у него впослѣдствіи въ предателя — въ «Мирабо-Макіавелли». И, тѣмъ не менѣе, при всѣхъ этихъ метаморфозахъ, Дэмуленъ никогда не могъ вполнѣ отдѣлаться отъ личнаго обаянія великаго оратора. При извѣстіи о внезапной смерти Мирабо, Дэмуленъ глубоко потрясенъ. «Мирабо умираетъ... Мирабо умеръ! — восклицаетъ онъ. — Какую громадную добычу захватила смерть!» И при видѣ его бездыханнаго тѣла Дэмуленъ ощутилъ приливъ прежнихъ чувствъ. «Казалось, онъ спалъ,—пишетъ Дэмуленъ.—Лицо его еще жило, сохраняя свое обычное выраженіе; всего болѣе поразило меня отражавшееся на немъ безмятежное спокойствіе праведника и мудреца... Мирабо умеръ патріотомъ» [1]). Но вскорѣ восхищеніе смѣнилось подозрѣніями и, подъ впечатлѣніемъ распространившихся слуховъ о подкупности Мирабо, Дэмуленъ съ горечью обличаетъ—«роскошь Лукулла-оратора», великолѣпные его пиры и т. д. «О, развращенная нація! — восклицаетъ онъ. — О, глупый народъ, ступай же, преклоняйся передъ могилой этого честнаго человѣка, истиннаго Меркурія своего вѣка, бога ораторовъ, лгуновъ и воровъ!» Впослѣдствіи, въ письмѣ къ Бриссо, Дэмуленъ такъ объясняетъ противорѣчія въ своемъ отношеніи къ Мирабо: «Мирабо приглашалъ меня гостить у него въ Версали. Я былъ польщенъ его уваженіемъ, тронутъ его дружбой; онъ мнѣ импонировалъ своимъ геніемъ и великими качествами. Я обожалъ его; друзья его знали, какъ онъ боялся моей цензуры... Всѣмъ извѣстно, что не разъ онъ присылалъ ко мнѣ своего секретаря, умоляя вычеркнуть ту или другую страницу, принести эту жертву дружбѣ, его великимъ заслугамъ прошедшимъ и будущимъ. Значитъ ли это, что я продалъ себя Мирабо? Я не зналъ, что предатели, стоявшіе такъ неизмѣримо ниже его по талантамъ, еще болѣе коварно поведутъ насъ къ разрушенію свободы и заставятъ меня просить прощенія у его великой тѣни и ежедневно сожалѣть объ утратѣ для Франціи его генія».

муленъ отвѣчалъ юмористическимъ стихотвореніемъ, такъ начинавшимся:

„Mesamis, des deux Mirabeau,
Ou du pendavt ou de l'ivrogne,
Décidez quel est le plus beau,
Et lequel a moins de vergogne“ и д. т.

[1]) „Révolutions de France et de Brabant“.

Строки эти принадлежатъ къ болѣе позднему періоду жизни Дэмулена. Въ эпоху конца 89 г. и въ 90 году онъ съ глубокой вѣрой относился къ вожакамъ крайней радикальной партіи и съ не меньшимъ отрицаніемъ къ роялистамъ и конституціонистамъ, смѣшивая ихъ въ общей ненависти. Ограженіемъ этихъ крайнихъ взглядовъ Дэмулена является газета «Революціи Франціи и Брабана» [1]), издававшаяся съ ноября 1789 года до іюля 1792 года. Въ цѣломъ рядѣ яркихъ картинъ, ѣдкихъ памфлетовъ, блестящихъ характеристикъ, Дэмуленъ описываетъ здѣсь теченіе революціи за эти 2½ года. Злая ироніа и энтузіазмъ, веселый смѣхъ и гнѣвъ смѣняютъ другъ друга, невольно увлекая читателя. Осмѣивая злоупотребленія стараго порядка, Дэмуленъ нападалъ на противниковъ республиканскаго правленія; при этомъ жертвами его сатиры нерѣдко являлись прежніе его идолы, имъ же воздвигнутые на пьедесталъ національныхъ героевъ. Такъ, Неккера, который недавно еще вдохновилъ его знаменитую рѣчь въ Палэ-Роялѣ, онъ обвинялъ теперь въ измѣнѣ, требуя преданія его суду: при этомъ ненависть порою внушала ему жестокія слова, достойныя варвара и каннибала.

По поводу убійства маркиза Фавра онъ выражалъ удивленіе, что «можно обвинять въ жестокости народъ, ликующій при видѣ человѣческаго суда, замѣняющаго иногда божественную кару!» «Тигръ, это — деспотъ, а не народъ, - писалъ онъ въ другомъ номерѣ, отвѣчая на статью, гдѣ по поводу смерти Фавра говорилось, что народъ велъ себя подобно тигру. - Никогда не было народа—Нерона, народа—Калигулы, если можно такъ выразиться. Покажите мнѣ народъ, у котораго была бы Бастилія, который, подобно стольнимъ тиранамъ, приговорилъ бы къ смерти тѣхъ, кто оскорблялъ его пасквилями... Народъ низвергаетъ съ Тарпейской скалы, какъ было въ Римѣ, избиваетъ каменьями, какъ у евреевъ... Называть народъ тигромъ—нелѣпая клевета... Онъ слишкомъ страдаетъ, чтобы не быть чувствительнымъ; поэтому надо скорѣе предостерегать его отъ сострадательности, чѣмъ отъ строгости» [2]). Какъ скоро Дэмуленъ долженъ былъ разочароваться въ своихъ иллюзіяхъ, раскаяться въ софизмахъ, оправдывавшихъ народныя злодѣянія! Въ пылу борьбы, роковое увлеченіе Дэмулена раздѣляли знаменитые дѣятели революціи, имя которыхъ составляетъ славу и гордость Франціи. Къ послѣднимъ принадлежитъ г-жа Роланъ. Не она ли,—великодушная и гуманная, способная на подвиги самопожертвованія, свѣтлый

1) „Révolutions de France et de Brabant“.
2) „Révolutions de France et de Brabant“, № 15.

умъ, такъ вѣрно и тонко понимавшій современныхъ политическихъ дѣятелей, — не она ли писала осенью 1790 года, подъ впечатлѣніемъ двойственнаго образа дѣйствій правительства: «Патріотическіе писатели должны поименно обличать совратившихся членовъ, которые своимъ лицемѣріемъ, интригами измѣняютъ принесенной клятвѣ, компрометируютъ интересы своихъ избирателей. Но Бриссо дремлетъ: Лустало умеръ [1]); пора Дэмулену возвратиться къ должности генеральнаго прокурора Фонаря».

Въ заблужденіяхъ лучшихъ дѣятелей революціи важную роль играли идеи Руссо о народѣ и верховныхъ его правахъ. Отвлеченное представленіе о первобытномъ человѣкѣ, неиспорченномъ, близкомъ къ природѣ, въ концѣ XVIII вѣка переносили къ отвлеченному понятію о народѣ: народъ добръ, сострадателенъ, справедливъ въ своихъ сужденіяхъ и приговорахъ; всѣ недостатки его — слѣдствіе угнетеннаго положенія, всѣ дурные поступки внушены ему свыше — отъ притѣснителей его и деспотовъ. Къ этимъ абстрактнымъ теоріямъ у Дэмулена примѣшивалось увлеченіе античнымъ міромъ, увлеченіе, какъ туманомъ, застилавшее передъ нимъ современную дѣйствительность. Онъ вѣчно паритъ въ древнемъ мірѣ, вдохновляется его героями, переноситъ въ окружающую сферу давно отжившіе идеалы. Классическія воспоминанія кружатъ ему голову и одурманиваютъ его.

Мечтая о созданіи аѳинской республики, Дэмуленъ, какъ большинство его современниковъ, забывалъ или игнорировалъ существованіе рабства — одного изъ основныхъ элементовъ древнихъ республикъ. Братство и равенство — любимыя его идеи; и когда Національное Собраніе издало декретъ, устанавливавшій цензъ для избирательнаго права, онъ возразилъ противъ него страстной филиппикой. «Декретъ этотъ, — писалъ онъ, — устанавливаетъ во Франціи аристократическое правленіе, и это — величайшая побѣда дурныхъ гражданъ въ Національномъ Собраніи. Чтобы понять нелѣпость этого декрета, достаточно сказать, что Ж.-Ж. Руссо, Корнель, Мабли были бы лишены избирательнаго права... И что означаетъ такъ часто повторяемое

---

[1]) Осенью 1790 г. либеральная партія понесла громадную потерю въ лицѣ Лустало, редактора «Революцій Парижа». Искренній, убѣжденный республиканецъ, Лустало былъ серьезнѣе и послѣдовательнѣе Дэмулена. По смерти его, Камиллъ произнесъ о немъ хвалебную рѣчь въ Обществѣ Друзей Конституціи. Превознося гражданскія добродѣтели Лустало, Камиллъ, между прочимъ, говоритъ о свободѣ прессы и объ его отношеніи къ этому вопросу.

слово «активный гражданинъ»? Активные граждане, это—тѣ, которые взяли Бастилію, тѣ, которые обрабатываютъ поля» и т. д.

Праздникъ Федераціи въ память взятія Бастиліи, какъ праздникъ свободы и братства, внушилъ Дэмулену лучшія страницы въ его «Революціяхъ Франціи и Брабана». Онъ краснорѣчиво описываетъ общій энтузіазмъ, охватившій въ это время все населеніе Парижа, отъ низшихъ классовъ до высшихъ. Крестьяне и титулованные дворяне, придворныя дамы и мѣщанки, старыя и малыя — всѣ бросились на Марсово поле помогать рабочимъ въ сооруженіи трибунъ для патріотовъ. При звукахъ музыки и барабаннымъ боѣ собирались всѣ корпораціи, всѣ дистрикты—мужчины, женщины, дѣти съ лопатами на плечахъ, распѣвая новую пѣснь: «Ça ira!» Старики и старухи воздвигали алтарь отечеству. Легенда или историческій фактъ.—разсказываютъ, что Сенъ-Жюстъ, тащившій тачку, встрѣтилъ г-жу Дю-Барри съ заступомъ въ рукѣ -эпизодъ, характеризующій общій энтузіазмъ, охватившій въ то время всѣ слои парижскаго общества. Вездѣ господствовало довѣріе и братское единеніе. Маркиза снимала перчатку, чтобы пожать руку угольщику. Все Марсово поле представляло зрѣлище какъ бы громаднаго бальнаго зала [1]). Описывая праздникъ Федераціи, Дэмуленъ восклицаетъ: «Это день освобожденія отъ египетскаго рабства и перехода черезъ Красное море. Это первый день перваго года свободы... день, предреченный пророкомъ Езекіилемъ, день судебъ, великій праздникъ фонарей» [2]). Послѣднее слово является диссонансомъ въ идиллической картинѣ всеобщаго единенія и братства. Ясно, что Дэмуленъ, какъ и прочіе вожаки радикальной партіи, мало вѣрилъ въ возможность мирнаго исхода борьбы. Съ своей стороны, пресса не способствовала примиренію враждебныхъ партій. Уже съ 1789 года завязалась полемика между Дэмуленомъ и органами роялистической партіи — полемика, переходившая нерѣдко въ брань и клевету. Однимъ изъ самыхъ ярыхъ враговъ Дэмулена явилась газета Пелтье, такъ

---

[1]) Праздникъ французской свободы былъ отпразднованъ и въ Лондонѣ. Въ клубѣ вновь 652 человѣка подъ предсѣдательствомъ лорда Стангопа, пили «за свободу міра!» Одинъ слуга влѣзъ на столъ съ осколками Бастиліи на головѣ и провозгласилъ тостъ «за уничтоженіе всякой зависти между Франціей и Англіей, и да стремятся онѣ лишь къ защитѣ мира и свободы!» Докторъ Прейсъ предлагалъ основать лигу мира—идея, все болѣе распространяющаяся въ наше время.

[2]) «Révolutions de France et de Brabant», № 30.

называемая «Дѣянія Апостоловъ» [1]). Органы роялистской партіи не пренебрегали никакими средствами, чтобы подорвать популярность Дэмулена: обвиненія въ подкупѣ, продажности смѣнялись грубой сатирой и бранью. «У журналистовъ есть хлѣбъ съ тѣхъ поръ, какъ честные люди обѣднѣли,—гласила одна роялистская брошюра.—Такъ, газетчикъ Дэмуленъ, нѣкогда спавшій на доскахъ, спитъ теперь на кровати съ голубыми шелковыми занавѣсями. Нѣкогда онъ принужденъ былъ вести образъ жизни Талера, лакея Страбона: фрукты, лукъ и вода: теперь онъ платитъ у Мэо по 9 франковъ за обѣдъ» [2]). Съ немепьшей ненавистью относилась къ Дэмулену партія конституціонной монархіи. 31 іюля и 2 августа 1790 года Малуэ выступилъ въ Національномъ Собраніи съ обличеніемъ газеты Дэмулена, объявивъ, что «послѣ цѣлаго года молчанія и презрѣнія, онъ хочетъ отомстить не за частныя оскорбленія, а за общественное преступленіе». «Если Камиллъ Дэмуленъ невиненъ,—прибавляетъ Малуэ,—онъ оправдается. Если онъ виновенъ—я буду обвинителемъ его и всѣхъ, кто станетъ его защищать. Пусть онъ оправдается, если смѣетъ». «Я задыхался, слыша эти слова,—разсказывалъ Дэмуленъ, присутствовавшій на засѣданіи.—Положеніе мое было такъ ужасно, что, будь я нѣмъ, я, вѣроятно, нашелъ бы даръ языка, подобно сыну Креза при взятіи Сардъ». Обвиненіе Малуэ вызвало въ собраніи бурную сцену замѣшательства. Многіе депутаты поддерживали Малуэ, требуя ареста Дэмулена. Его спасла рѣчь Робеспьера, выступившаго на трибунѣ въ его защиту: благодаря ему, Дэмуленъ избѣгнулъ заключенія въ тюрьму и декретъ противъ него былъ преданъ забвенію. Сознавая себя предметомъ столькихъ ненавистей, Дэмуленъ уже въ это время, въ періодъ своихъ оптимистическихъ надеждъ, предчувствовалъ минутами ожидавшій его трагическій конецъ. Такъ, онъ писалъ по поводу вызова на дуэль со стороны одного изъ борцовъ роялистской партіи: «Я готовъ умереть на эшафотѣ, повторяя слова лорда Лоуата: Dulce et decorum pro patria mori. Я съ честью умру отъ руки Сансона [3]), но погибнуть отъ вызвавшаго меня забіяки то же, что умереть отъ укуса тарантула... Увы! боюсь, что недалеко то время, когда представятся много-

[1]) «Дѣянія Апостоловъ,—писалъ Дэмуленъ (Révolutions de France et de Brabant» № 17),—величайшее свидѣтельство терпимости Національнаго Собранія, такъ же какъ богохульства атеистовъ».

[2]) «Petit Dictionnaire des grands hommes et des grandes choses, qui ont rapport à la Révolution, composé par une société d'aristocrates», 1791.

[3]) Палача.

численные случаи погибнуть болѣе славно и полезно». И въ письмѣ къ отцу онъ восклицаетъ: «Столько людей за пять су продаютъ свою жизнь королямъ! Неужели же я ничего не сдѣлаю во имя любви къ отечеству, во имя истины и справедливости?»

IV.

Знакомство Дэмулена съ Люсиль Дюплэсси. — Препятствія къ браку. — Женитьба Дэмулена.

Нервно-напряженное настроеніе, проглядывающее въ письмахъ Камилла Дэмулена въ концѣ 89 и 90 гг., проистекало не отъ однихъ мотивовъ политическаго характера. Одновременно съ борьбой политической въ жизни его происходила сердечная драма: онъ полюбилъ молодую дѣвушку, полюбилъ безнадежно. такъ какъ ея отецъ не далъ согласія на бракъ. Это была Люсиль Дюплэсси, воспѣтая современными поэтами, предметъ восхищенія всѣхъ, кто ее видѣлъ. Молодые люди знали другъ друга давно, почти съ дѣтства. Встрѣтивши Люсиль въ 1787 году, дѣвушкой 16—17 лѣтъ, Дэмуленъ безъ памяти въ нее влюбился. И, судя по отзывамъ современниковъ, трудно было остаться равнодушнымъ къ неотразимой прелести ея внѣшняго и внутренняго существа. Небольшого роста, стройная, граціозная. съ грезовской головкой, окаймленной свѣтлыми волосами, вьющимися вокругъ улыбающагося почти дѣтскаго лица, Люсиль Дюплэсси напоминала собой весеннюю, едва распустившуюся фіалку. Но спокойно-ясное выраженіе лица мало соотвѣтствовало духовному ея существу. Въ ней была какая-то затаенная грусть, меланхолія, недовѣріе къ жизни, которой она инстинктивно чуждалась, боязнь къ людямъ, которые не могли ее понять. Горячая поклонница Руссо, она любила природу, искала уединенія, сторонилась отъ шумнаго общества. Это была натура впечатлительная, романическая, болѣзненно-чуткая, — нѣжный, экзотическій цвѣтокъ конца XVIII вѣка. Какъ у всѣхъ послѣдователей и, особенно, послѣдовательницъ Ж. Ж. Руссо, въ ней былъ и оттѣнокъ сентиментальности—свойство, не чуждое въ то время даже такимъ сильнымъ, энергичнымъ натурамъ, какъ г-жа Роланъ. Мечтать въ уединеніи — было любимое времяпровожденіе Люсиль. Вечеромъ, когда смеркалось и публика возвращалась съ прогулокъ, она любила удаляться въ Люксембургскій садъ. По воскресеньямъ,—писала она въ своемъ днев-

никѣ, — мнѣ уже нельзя приходить мечтать въ этихъ рощахъ: онѣ не будутъ пустынны. Я удаляюсь отъ шумнаго веселья, часто противорѣчащаго настроенію сердца. Я чувствую, что не родилась, чтобы жить среди людей... Увы! чѣмъ ближе я ихъ узнаю, тѣмъ болѣе вижу, что надо отъ нихъ бѣжать. Нѣтъ между ними ни откровенности, ни прямодушія, ни сердечности. . Вчера вечеромъ со мной едва не сдѣлалось дурно... Я лежу въ кровати. Около меня свѣча... Я ее гашу, какъ только заслышу шумъ». Мечтательная и экзальтированная, Люсиль, въ минуты тяжелыхъ думъ, мучительныхъ сомнѣній, искала прибѣжища въ религіи. Въ дневникѣ отъ 6 іюня 89 г. она обращается къ Богу съ страстной мольбой, выражающей терзаніе души, которая стремится проникнуть въ суть вещей, познать истину— и разбивается, встрѣчаясь съ реальною жизнью. «Существо изъ существъ!—пишетъ она.—Ты, передъ Которымъ преклоняется вся земля. Ты мое единственное утѣшеніе! Боже всемогущій, прими приношеніе сердца, Тебя одного любящаго; просвѣти мою душу, научи меня познать Тебя... Увы! что могу я сдѣлать, безпомощная, смертная? Слышишь ли Ты мой голосъ въ безпредѣльномъ пространствѣ?.. Я ненавижу свѣтъ... Умъ мой теряется... Я молюсь, не зная Тебя, Ты въ моей душѣ, я чувствую Тебя и не могу угадать. Ты — тайна природы, тайна, которую никто не угадаетъ»... «Гдѣ найти счастье? — пишетъ она далѣе. — Человѣкъ ослѣпляется и, забываясь, онъ воображаетъ, что счастливъ. Нѣтъ на землѣ счастья. Тщетно бѣжимъ мы за нимъ; счастье — химера». Еще шагъ — и нить, связывавшая Люсиль съ мірской жизнью, готова была порваться. Но судьба предназначала ей иную долю: настроеніе страстной экзальтаціи нашло исходъ въ любви. Любовь притягивала ее своей поэтической сторопой. «Я не люблю,—пишетъ въ своемъ дневникѣ 16-лѣтняя мечтательница.—Когда же я полюблю? Говорятъ, всѣ должны любить. Уже не 80-ти ли лѣтъ мнѣ суждено полюбить?.. Я холодна, какъ мраморъ. Какая странная вещь жизнь!»

Неясныя стремленія и мечтанія Люсиль вскорѣ разрѣшились встрѣчей съ Камилломъ Дэмуленомъ. Что же привлекло въ немъ и покорило сердце Люсиль? По отзывамъ современниковъ, Камиллъ не обладалъ притягательными внѣшними качествами [1]). «Невзрачный собою, безъ всякой внѣшней при-

[1]) Въ письмѣ къ Дильону, Камиллъ самъ говоритъ, «что онъ далеко не хорошъ собой» («Je ne suis point joli garçon, tant s'en faut») «Камиллъ дуренъ собою въ полномъ смыслѣ слова,—говоритъ о немъ Робеспьеръ въ своихъ Мемуарахъ. — Его лицо темное и лоснящееся, имѣетъ пошловатое выраженіе; его дикція непріятна—онъ запкается;

влекательности,—такъ отзывается о немъ одинъ современникъ [1]),—Камиллъ Дэмуленъ не выкупалъ своимъ разговоромъ недостатковъ природы. Печальный и молчаливый, онъ носилъ на своемъ лицѣ отпечатокъ глубокой меланхоліи». Въ противоположность этой характеристикѣ, относящейся къ послѣднему періоду жизни Дэмулена, одна его современница замѣчаетъ, что при неправильныхъ чертахъ лица, въ «немъ было что-то обаятельное и привлекающее вниманіе». И, дѣйствительно, всматриваясь въ его портретъ, не трудно повѣрить послѣднему отзыву. Широкій, красивый лобъ, обрамленный длинными вьющимися волосами, черные глаза, живые и выразительные, сверкающіе остроуміемъ и страстью, тонкія губы, насмѣшливо приподнятыя кверху, сложенныя какъ бы въ саркастическую улыбку — вся наружность Камилла Дэмулена отражала страстную, увлекающуюся натуру, незаурядный умъ и своеобразный характеръ. Окруженный ореоломъ славы знаменитаго публициста, онъ явился передъ Люсиль Дюплэсси живымъ олицетвореніемъ современныхъ идей свободы, братства, равенства. И она полюбила его во имя этихъ идей, полюбила непосредственнымъ чувствомъ чисто женской натуры. Въ противоположность г-жѣ Роланъ, — сильной, дѣятельной и самостоятельной индивидуальности, — Люсиль отличалась характеромъ мягкимъ, подчиняющимся, не способнымъ къ самостоятельному энергическому воздѣйствію. Въ любви ея не было элемента анализа и критики. Тѣмъ не менѣе, встрѣтившись съ Камилломъ и усвоивши его политическіе и общественные взгляды, Люсиль, въ свою очередь, оказывала на него вліяніе, поддерживая въ немъ пламя энтузіазма и горячей вѣры.

Романъ между Камилломъ и Люсиль начался при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Отецъ Люсиль, первый комми въ генеральномъ контролѣ финансовъ, человѣкъ дѣловой и практическій, недовѣрчиво относился къ литературной славѣ Дэмулена и, въ виду его необезпеченнаго матеріальнаго положенія, наотрѣзъ отказалъ ему въ рукѣ дочери. Въ продолженіе почти двухъ лѣтъ молодые люди видались изрѣдка и украдкой, покровительствуемые г-жой Дюплэсси, матерью Люсиль. Побороть предубѣжденія отца вначалѣ представлялось невозможнымъ. Камиллъ, стремительный и пылкій, попеременно переходилъ отъ надежды

тѣмъ не менѣе, его слушаютъ съ восхищеніемъ: слово его увлекаетъ наивной убѣжденностью...» Едва ли справедливъ отзывъ Робеспьера о наружности Дэмулена: по отзывамъ другихъ современниковъ, лицо его привлекало выраженіемъ ума и живости

[1]) Mémoires du comte Miot de Mélito.

къ отчаянію. Люсиль страдала безмолвно и покорно. Въ ея записной тетради мы встрѣчаемъ стихотвореніе поэта Марешаля, подъ заглавіемъ «Историческій романсъ», гдѣ описывается исторія несчастнаго пастуха Сильвандра, полюбившаго Инсъ, дочь гордаго земледѣльца, который отказываетъ ему въ ея рукѣ. Сильвандръ съ отчаянія моритъ себя голодомъ, и Инсъ, при видѣ его бездыханнаго тѣла, рѣшается послѣдовать его примѣру. Это сентиментально-элегическое стихотвореніе соотвѣтствовало, повидимому, нравственному настроенію Люсиль въ первый, несчастный періодъ ея романа. Сохранилась записка ея къ Камиллу (неизвѣстно, полученная ли имъ), гдѣ характерно отражается ея чувство, глубокое, стыдливое, страстное и, въ то же время, трогательное въ своей наивности. «О ты, который въ глубинѣ моей души,—пишетъ она,—я не смѣю тебя любить или, скорѣе, не смѣю сознаться въ своей любви... Ты страдаешь, говоришь ты,—о! я страдаю гораздо больше; твой образъ вѣчно въ моихъ мысляхъ; онъ не покидаетъ меня, я стараюсь отыскать въ тебѣ недостатки, нахожу ихъ и люблю. Скажи, зачѣмъ вся эта борьба? Почему я скрываю свое чувство даже отъ матери: я хотѣла бы, чтобы она его знала, угадала его, но мнѣ не хочется говорить ей о немъ». Послѣ двухъ лѣтъ томительнаго выжиданія, отецъ Люсиль уступилъ, наконецъ, общимъ мольбамъ семьи. Въ декабрѣ 1790 года онъ далъ согласіе на бракъ. Счастливый женихъ спѣшитъ сообщить объ этомъ событіи отцу. «Сегодня, 11 декабря,—пишетъ онъ, исполнилась, наконецъ, моя завѣтная мечта. Счастье долго не давалось мнѣ, но, наконецъ, пришло, и я счастливъ такъ, какъ только можно быть счастливымъ на землѣ» [1])... Въ виду неравенства состоянія, — г. Дюплэсси имѣлъ 20 тысячъ ливровъ ежегодной ренты,—Камиллъ опасался, что вѣсть объ его бракѣ съ богатой дѣвушкой вызоветъ нареканія его соотечественниковъ. «Прошу васъ,—писалъ онъ отцу,—не разсказывайте объ этомъ (т.-е. о богатствѣ его невѣсты) направо и налѣво. Будемъ скромны въ счастьѣ. Пришлите мнѣ съ слѣдующей же почтой ваше родительское согласіе; немедленно распорядитесь о разрѣшеніи брака въ Лаонѣ и пусть будетъ только одно оглашеніе въ Гизѣ, такъ же какъ въ Парижѣ». Но лихорадочно

[1]) «Сейчасъ мать Люсиль привела меня въ ея комнату,—пишетъ далѣе Камиллъ:—я бросился къ ея ногамъ и, услышавъ съ удивленіемъ, что она смѣется, поднялъ глаза... она также была вся въ слезахъ и въ то же время смѣялась. Никогда не видывалъ я такого очаровательнаго зрѣлища».

ожидаемое родительское благословеніе медлило пріѣти: прошла недѣля, а желаннаго письма все не было. Камиллъ шлетъ отцу одно за другимъ отчаянныя воззванія, умоляя не отсрочивать его счастья. «Благодаря вашей медлительности, — писалъ онъ, — бракъ мой отложенъ на восемь дней. Я считаю каждую минуту, — не продолжайте далѣе вашего оттягивающаго veto ... Промедленіе, какъ оказалось, произошло по винѣ самого Камилла: въ упоеніи блаженства, онъ позабылъ назвать въ письмѣ къ отцу фамилію и имена своей невѣсты и ея родителей. Но этимъ не окончились всѣ его испытанія. Для вступленія въ бракъ требовалось разрѣшеніе духовенства, и архіепископъ парижскій наотрѣзъ отказалъ въ немъ революціонному публицисту, агитировавшему противъ духовенства. Напрасно убѣждали и просили за Демулена его сторонники изъ депутатовъ собранія. Наконецъ за него вступился его бывшій преподаватель въ колледжѣ Louis le Grand, аббатъ Берардье, и съ трудомъ добился требуемаго разрѣшенія. Передъ бракомъ, который долженъ былъ совершить аббатъ Берардье съ священникомъ Пансемономъ, состоялось свиданіе послѣдняго съ Камилломъ — свиданіе, представляющее какъ бы нравственную дуэль между вольтеріанцемъ и духовнымъ лицомъ [1]). Священникъ потребовалъ отъ Камилла, во-первыхъ, чтобы онъ отказался отъ печатныхъ нападокъ на католическую религію, во-вторыхъ, чтобы онъ исповѣдался. Демуленъ согласился на то и другое. Въ письмѣ къ отцу онъ говоритъ, что принесъ «священнѣйшую присягу передъ завзятымъ аристократомъ, столпомъ консервативной партіи» (аббатъ Бе-

---

1) Вотъ какъ передаетъ нхъ бесѣду брошюра, озаглавленная «Исторія событій, случившихся въ приходѣ Св. Сульпиція во время революціи»: «Вы католикъ?» спрашиваетъ Демулена священникъ. «Къ чему этотъ вопросъ?» — Если вы не католикъ, я не могу пріобщить васъ къ таинству католической религіи». — «Ну, да, я католикъ». «Трудно повѣрить тому, кто сказалъ въ одномъ номерѣ своей газеты, что религія Магомета такъ же очевидна для него, какъ религія Іисуса Христа». — «Такъ вы читаете мою газету?» «Иногда». — «И вы не хотите повѣнчать меня, г. кюрэ?» — «Нѣтъ, я не могу этого сдѣлать если вы публично не исповѣдуете католическую религію». — Такъ я обращусь къ комитету духовенства», отвѣчалъ Камиллъ. Разговоръ этотъ, записанный нотаріусомъ, переданъ въ комитетъ. Затѣмъ Камиллъ вторично является къ священнику съ запиской Мирабо, гдѣ послѣдній утверждалъ, что о вѣрѣ можно судить лишь по исповѣданію внѣшней религіи, и что нельзя отказывать въ бракѣ тому, кто называетъ себя католикомъ. Съ какихъ поръ Мирабо — отецъ церкви?» возразилъ кюрэ. При этихъ словахъ Камиллъ не могъ удержаться отъ смѣха. «Ха-ха! Мирабо — отецъ церкви! Я скажу ему; это его позабавитъ!»

рардье). «Но я принялъ предосторожности противъ западней аристократіи, — прибавляетъ онъ, — и отправился къ алтарю, захвативъ противоядіе. Петіонъ, Робеспьеръ, Силлери, Мерсье, Бриссо — чего же болѣе? — изъявили согласіе быть моими свидѣтелями... Добрый Берардье, прежде чѣмъ произнести три латинскія слова — единственныя, о которыхъ я просилъ его, — произнесъ трогательную рѣчь... Онъ умолялъ меня дать обѣщаніе не затрогивать вопросовъ религіи: это было нѣкоторымъ образомъ стѣсненіе религіозныхъ мнѣній и посягательство на декларацію правъ: но что дѣлать? я не пришелъ въ церковь, чтобы сказать нѣтъ. Такимъ образомъ, я связанъ клятвою вычеркнуть изъ моей газеты статью теологіи. Не углубляясь въ вопросъ, сомнѣваюсь, чтобы эта придаточная клятва была такъ же обязательна, какъ первая; я скоро поставлю этотъ вопросъ на очереди въ совѣтѣ моей совѣсти». «Совѣтъ его совѣсти» не замедлилъ освободить его отъ стѣснительной клятвы и въ 59 номерѣ «Революціи Франціи и Брабана» уже встрѣчаются шутки въ вольтеровскомъ духѣ. Гораздо серьезнѣе отнесся Камиллъ къ тому, что онъ называлъ главной своей клятвой: его краткая совмѣстная жизнь съ Люсиль представляла, повидимому, идеалъ семейнаго счастья. «Всѣ признаютъ мою жену красавицей,—писалъ Камиллъ отцу 3 января 1791 г.,— но увѣряю васъ, что красота наименьшее ея достоинство .. Чѣмъ болѣе я узнаю Люсиль, тѣмъ болѣе преклоняюсь предъ ней». По счастье Камилла съ самаго начала омрачилось недоброжелательствомъ его политическихъ враговъ. Памфлетисты роялистскаго лагеря дѣятельно распространяли оскорбительные для него слухи, увѣряя, между прочимъ, что Люсиль Дюплэсси—незаконная дочь аббата Терра. Въ одномъ современномъ памфлетѣ острили, говоря, что Дэмуленъ хотѣлъ вступить въ бракъ съ Люсиль передъ алтаремъ отечества, на Марсовомъ полѣ, «но дождь принудилъ его вѣнчаться въ церкви». Судя по его письму къ отцу (3 января 91 г.), Камиллъ хотѣлъ привлечь къ отвѣтственности «Газету двора и города» — главный органъ роялистическихъ памфлетовъ; но семья его жены остановила его, убѣдивши отвѣчать презрѣніемъ на клеветы его враговъ. Вышеупомянутое письмо Дэмулена къ отцу подписано: «Вашъ сынъ Камиллъ, счастливѣйшій изъ смертныхъ, ничего болѣе не желающій на свѣтѣ». Это было заблужденіе. Мирная семейная жизнь не могла удовлетворить всѣмъ стремленіямъ Камилла. Жажда популярности, славы не давала ему покоя. Къ этому присоединялся мотивъ болѣе возвышенный и благородный: онъ считалъ долгомъ чести продолжать начатую борьбу, не успокоп-

ваться на личномъ счастьѣ [1]). Люсиль, проникнувшаяся его идеями, видѣвшая въ мужѣ героя, призваннаго спасти отечество, поддерживала и разжигала въ немъ священный огонь патріотизма. Совершенно иначе смотрѣлъ на дѣятельность Камилла его отецъ; слава сына казалась ему такъ же непрочной и преходящей, какъ и успѣхи революціонной партіи. «Мнѣ говорятъ о твоихъ успѣхахъ,—писалъ онъ ему, между прочимъ,—я отношусь къ нимъ не безучастно, но меня гораздо болѣе волнуютъ опасности, которымъ ты подвергаешься». Ослѣпленный успѣхомъ, Камиллъ отвѣчалъ снисходительнымъ тономъ побѣдителя: «Теперь вы уже не будете смѣяться надъ моими мечтами и предсказаніями, надъ моей республикой,—надо всѣмъ, что вы видѣли, наконецъ, собственными глазами. Всю вашу жизнь вы писали, боролись противъ второстепенныхъ притѣсненій. Вы хотѣли обрѣзать вѣтви: слава Всевышнему,—мы срубили теперь самое дерево .

V.

Бѣгство короля.- Противорѣчія въ политическихъ взглядахъ Дэмулена.- Временное удаленіе его отъ политической дѣятельности.- Начало борьбы Монтаньяровъ съ Жирондой.—10 августа.

Въ 1791 году надежды либеральной партіи смѣнились опасеніями, страхомъ за исходъ революціи. Бѣгство короля впервые прямо выдвинуло вопросъ: быть или не быть монархіи во Франціи. Въ то же время оно положило рѣзкую границу между приверженцами конституціи и республиканцами. «Во вторникъ, 21 іюня [2]),—писалъ Камиллъ,—узнали о бѣгствѣ короля и всей его семьи. Въ 11 часовъ состоялось генеральное decampativos Капетовъ, и только въ 9 часовъ утра распространилась эта вѣсть. «Измѣна! Клятвопреступленіе!—восклицаетъ Дэмуленъ.—Барнавъ, Лафайетъ злоупотребляютъ нашимъ довѣріемъ .

Въ эту минуту всеобщей смуты, Камиллъ является какъ бы олицетвореніемъ настроенія, охватившаго населеніе Парижа: страхъ за отечество, негодованіе противъ правительства, призвавшаго

[1]) Въ 12 номерѣ «Революцій Франціи и Брабана» напечатаны были слѣдующія строки, подписанныя буквами L. M.:

«Tu dors, Camille, et Paris est esclave,
D'autres tyrans usurpent le pouvoir.
Que s'arrogeaient et Breutenil et le Noir».

[2]) «Révolutions de France et de Brabant», № 82.

противъ Франціи чужеземныя силы,—все вызывало чувства ненависти и побуждало къ крайнимъ мѣрамъ. Открыто раздавались голоса, требовавшіе отмѣны королевской власти, суда надъ Людовикомъ XVI и надъ приверженцами конституціонной монархіи — Бальи, Лафайетомъ и др. Состояніе всеобщаго раздраженія неизбѣжно должно было привести къ столкновенію. 17 іюля, въ день праздника Федераціи, на Марсовомъ полѣ революціонныя рѣчи популярныхъ ораторовъ вызвали стычки между народной толпой и національной гвардіей; войска отвѣчали ружейнымъ залпомъ на камни, брошенные въ гвардейцевъ толпой; произошло смятеніе, общая паника, бѣгство. Достовѣрно неизвѣстно, какую роль игралъ въ этомъ событіи Камиллъ Дэмуленъ; одни біографы утверждаютъ, что онъ принялъ дѣятельное участіе въ столкновеніи на Марсовомъ полѣ, другіе — что онъ въ этотъ день обѣдалъ за городомъ въ обществѣ Дантона, Лежандра и Фрерона. Извѣстно только то, что 17 іюля вечеромъ появился приказъ объ арестѣ Дантона и Дэмулена. Послѣ пламенной рѣчи, произнесенной въ тотъ же вечеръ въ якобинскомъ клубѣ противъ Бальи и Лафайета, Дэмуленъ долженъ былъ скрыться отъ преслѣдованій у пріятеля или родственника. Полиція, явившись арестовать его, нашла въ конторѣ «Революціи Франціи и Брабана» одного его сотрудника Маркандье. Послѣ 17 іюля Дэмуленъ издалъ еще одинъ номеръ «Революціи Франціи и Брабана», посвятивши его Лафайету, «фениксу полицейскихъ альгвазиловъ». Побѣда осталась на сторонѣ правительственной власти; продолжать борьбу далѣе казалось безплоднымъ, и Камиллъ Дэмуленъ прекратилъ изданіе газеты. «Тяжело мнѣ бросать перо», говорилъ онъ, прощаясь съ читателями. Возвратившись къ частной жизни, Дэмуленъ тоскуетъ, скорбитъ, тяготится бездѣйствіемъ. Семейное счастье, любовь Люсиль,—ничто не могло вознаградить его за утрату любимаго дѣла. Уже 9 сентября Дэмуленъ обратился къ національному Собранію съ запросомъ — принадлежитъ ли ему званіе и должность избирателя? Собраніе оставило вопросъ безъ отвѣта. Съ небольшимъ мѣсяцъ позднѣе, Камиллъ, избранный секретаремъ общества друзей конституціи, явился съ рѣчью въ якобинскомъ клубѣ, объявивъ, что онъ принялъ это избраніе «какъ приглашеніе прервать молчаніе». Стремясь къ трибунѣ, Камиллъ слѣдовалъ врожденному непреодолимому влеченію. Но послѣ катастрофы 17 іюля прежній радужный оптимизмъ покинулъ его. Настроеніе и тонъ его рѣчи иные; нѣтъ прежняго пыла, стремительности, вѣры и надежды: струны, слишкомъ натянутыя, оборвались, экзальтація смѣнилась утомленіемъ и

разочарованіемъ,—разочарованіемъ не въ идеѣ, а въ народной массѣ, которой такъ сильно довѣряли революціонные дѣятели. Народъ,—говорилъ Дэмуленъ въ своей рѣчи,—не шелъ навстрѣчу свободѣ, его привели къ ней... Истинные патріоты воспользовались первыми попавшимися орудіями, какъ небо воспользовалось Аттилой... Революцію повсемѣстно совершали немногіе —два-три гражданина: Пелопидъ въ Оивахъ, Гармодій и Аристогитонъ или Тразибулъ въ Аѳинахъ... Всегда въ этой странѣ народъ былъ рабомъ власти и властей .

Въ своей рѣчи Дэмуленъ пытался выйти изъ затруднительнаго положенія, созданнаго его анти-монархической пропагандой,—и примирить элементы непримиримые. Такъ, признавая необходимость придерживаться конституціи, принимая ее какъ совершившійся фактъ, онъ, въ то же время, доказывалъ ея непригодность. «Какъ гражданинъ,—говоритъ онъ,—я придерживаюсь конституціи; какъ политикъ, я предсказываю ея близкій конецъ». По его мнѣнію, конституція состояла изъ элементовъ, настолько разрушающихъ другъ друга, что можно сравнить ее «съ ледяной горой, возвышающейся надъ кратеромъ вулкана». И въ то же время онъ отрекался отъ своей республиканской пропаганды. Пусть не клевещутъ на меня, не говорятъ, что я проповѣдую республику... Тѣ, что называли насъ послѣднее время республиканцами и врагами королей, чтобы уронить насъ въ глазахъ глупцовъ, были неискренни; они знали, что мы не такъ невѣжественны, чтобы видѣть свободу въ отсутствіи королевской власти . Во всѣхъ этихъ противорѣчіяхъ мы видимъ послѣдствіе запутаннаго положенія, созданнаго политическимъ ходомъ дѣлъ. Послѣ событія на Марсовомъ полѣ монархія, повидимому, упрочила свое положеніе, пустила крѣпкіе корни. Упразднить ее, открыто дѣйствовать противъ правительства казалось невозможнымъ; такимъ образомъ, либеральной партіи представлялся въ то время одинъ исходъ: придерживаться конституціи, ограничивавшей, до извѣстной степени, произволъ власти. Принужденный силой обстоятельствъ сдерживать свои республиканскія стремленія, Дэмуленъ изливалъ свою желчь на Національномъ Собраніи; и здѣсь особенно ярко сказывалась несправедливая пристрастность человѣка, вносившаго въ политику элементъ субъективнаго чувства, смотрѣвшаго на учрежденія и факты сквозь призму необузданной фантазіи. Такъ, говоря о дѣятельности Національнаго Собранія, онъ обвинялъ его въ преднамѣренныхъ ошибкахъ, въ созданіи непримѣнимой на практикѣ конституціи, ради возвращенія стараго порядка. «Національное Собраніе,–

писалъ онъ,—чистое въ своемъ истокѣ... загрязнилось и въ концѣ уподобилось рѣкѣ Гобеленовъ, которая... при впаденіи въ Сену представляетъ собой лишь стокъ для нечистотъ».

Осенью 1791 года всѣ надежды Дэмулена обратились къ Законодательному Собранію. По поводу декретовъ объ эмигрантахъ и неприсягнувшихъ священникахъ онъ написалъ адресъ и, явившись 11 декабря въ Законодательное Собраніе, просилъ одного изъ секретарей, аббата Фошэ, прочесть его. «Достойные представители,—такъ начинался адресъ,—рукоплесканія представляютъ цивильный листъ народа. Не отклоняйте же достойной награды, присужденной вамъ народомъ». Принимая горячее участіе въ ходѣ политическихъ событій, Дэмуленъ горько оплакивалъ прекращеніе своей публицистической дѣятельности. Попытка его основать новую газету, подъ названіемъ «Трибуна патріотовъ», окончилась неудачей. Между тѣмъ, развивать передъ обществомъ свои взгляды, полемизировать, громить политическихъ враговъ было его призваніемъ. Къ этому присоединялись и мотивы практическаго свойства. Въ письмѣ къ отцу 3 апрѣля 1792 года, жалуясь на отсутствіе средствъ, Камиллъ признавался, что сдѣлалъ большую ошибку, прекративъ газету, являвшуюся «силой, передъ которой дрожали его враги»... При этомъ, упоминая о своей авдокатской дѣятельности, онъ горько прибавлялъ: «Тяжело мнѣ унижаться и защищать буржуазные интересы послѣ того, какъ я трактовалъ о вопросахъ общественныхъ передъ лицомъ всей Европы... возвышалъ или унижалъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ революціи».

Не принимая прямого участія въ политической жизни, Дэмуленъ, тѣмъ не менѣе, имѣлъ большое вліяніе на отношенія партій. Въ 1792 году начались разногласія между Жирондой и Горой. Однимъ изъ главныхъ предметовъ раздора былъ вопросъ о европейской войнѣ, за которую горячо стоялъ Бриссо, въ противоположность Робеспьеру и другимъ представителямъ партіи Горы. Въ начинавшейся борьбѣ Дэмуленъ болѣе всѣхъ содѣйствовалъ паденію популярности Бриссо. Болѣзненно самолюбивый, тщеславный, заносчивый, онъ вступилъ съ нимъ въ борьбу по мотивамъ личнаго свойства. Въ началѣ 1792 г., по поводу защиты Дэмуленомъ на судѣ двухъ лицъ, обвиненныхъ въ содержаніи игорныхъ домовъ[1]), газета Бриссо «Французскій

---

[1]) Дэмуленъ доказывалъ, что справедливость требовала заключить подсудимыхъ въ домъ предварительнаго заключенія, а не въ тюрьму.

патріотъ» напала на его якобы «скандальную апологію азартныхъ игръ». «Этотъ человѣкъ,— говорилось въ статьѣ,—называетъ себя патріотомъ лишь для того, чтобы клеветать на патріотизмъ». Дэмуленъ не могъ хладнокровно снести оскорбленія. Онъ отвѣчалъ страстнымъ, жестокимъ памфлетомъ, подъ заглавіемъ «Обличенный Бриссо» («Brissot démasqué»),— памфлетомъ, гдѣ осуждались, между прочимъ, воинственныя стремленія Бриссо и доказывалась необходимость внѣдрить свободу во Франціи мирнымъ путемъ, не возстановляя противъ нея другіе народы и страны. Но къ справедливымъ упрекамъ въ памфлетѣ присоединялись обвиненія неосновательныя и ложныя, указывалось на двуличность Бриссо и на мнимую его измѣну, проявившуюся, между прочимъ, въ убійствахъ на Марсовомъ полѣ, якобы вызванныхъ его петиціей. Между тѣмъ, въ послѣднемъ номерѣ «Революціи Франціи и Брабана» Дэмуленъ раньше писалъ: «Бриссо составляетъ петицію конституціонную, безукоризненную, достойную величія народа». Но противорѣчія менѣе всего смущали Дэмулена: они являлись ложью, такъ сказать, нечаянной, непроизвольной. Насколько онъ могъ быть несправедливъ, видно изъ того, что, въ своемъ уязвленномъ самолюбіи, онъ ставилъ въ упрекъ Бриссо его республиканскія убѣжденія. «Политично ли было,— писалъ онъ,—въ то время, когда Франція была объявлена монархіей и когда названіе республики пугало $^{9}/_{10}$ націи... политично ли было, Бриссо, украшаться названіемъ республиканца, и выставлять на газетѣ слово «республика»?..

Пасквиль Дэмулена явился какъ бы предисловіемъ другой его брошюры: «Отрывокъ секретной исторіи революціи», имѣвшей еще болѣе гибельное вліяніе на судьбу жирондистовъ. Года два позднѣе онъ долженъ былъ горько раскаяться въ своей поспѣшности, вспоминая въ тюрьмѣ о своихъ «слишкомъ многочисленныхъ сочиненіяхъ». Но не всѣ брошюры Дэмулена въ эту эпоху носятъ страстный характеръ памфлета, направленнаго противъ Бриссо. Въ статьѣ, посвященной событію 20 іюня, доказывая необходимость возстанія, онъ въ то же время предостерегалъ отъ насилій и жестокостей, могущихъ скомпрометировать дѣло свободы; совѣтовалъ твердо держаться конституціи и предоставить монархію естественному теченію, которое неминуемо должно было привести ее къ погибели. Тѣ же мысли Дэмуленъ развивалъ и въ якобинскомъ клубѣ. Но спокойное благоразуміе плохо уживалось съ его страстнымъ темпераментомъ. Революціонное теченіе, увлекавшее столькихъ другихъ дѣятелей, болѣе хладнокровныхъ и разумныхъ, вскорѣ

должно было вывести его изъ состоянія равновѣсія, захватить и опьянить его. Напрасно отецъ старался предостеречь его, указывая на отрицательныя стороны ослѣплявшей его популярности, на опасности, сопряженныя со всякой крайностью. Какъ боевой конь, заслышавшій трубный звукъ, Камиллъ уже готовъ ринуться въ борьбу. «Я въ революціи по горло,— пишетъ онъ женѣ.— Какъ ты была бы рада, если бы видѣла меня сегодня въ кавалькадѣ муниципалитета! Я впервые игралъ публичную роль. Я чувствую себя гордымъ, какъ Донъ-Кихотъ... Я испугалъ рантьеровъ въ общемъ муниципальномъ совѣтѣ нѣсколькими словами, сказанными вчера на трибунѣ... Верхомъ, среди трехтысячной національной гвардіи и 20 пушекъ, я сегодня цѣлый день провозглашалъ отечество въ опасности». Въ рѣчи, о которой упоминаетъ Камиллъ, онъ предлагалъ, между прочимъ, учредить въ память освобожденія отъ деспотизма праздникъ равенства, наподобіе римскихъ сатурналій. Увы! не всегда призраки античнаго міра внушали ему чувства гуманности и братской любви. Такъ, въ той же рѣчи, произнесенной въ муниципальномъ совѣтѣ, Дэмуленъ обращался къ согражданамъ съ воззваніемъ къ анархіи, «одинъ день которой,— по его словамъ,—совершитъ болѣе, чѣмъ четыре года дѣятельности Національнаго Собранія». Событія вскорѣ должны были опередить его надежды. Уже лѣтомъ 1791 г. чувствовалось приближеніе грозы. Вызывающій манифестъ герцога Брауншвейгскаго подалъ сигналъ къ 10 августа. Въ ночь 9 августа раздался звонъ набата; толпа парода двинулась къ Тюльрійскому дворцу; парижскій муниципалитетъ, учрежденный возстаніемъ, вступилъ въ городскую ратушу и захватилъ руководство революціоннымъ движеніемъ. Дэмуленъ, вмѣстѣ съ Дантономъ, явился однимъ изъ самыхъ ревностныхъ агитаторовъ. «Что будетъ съ нами?— писала Люсиль 9 августа въ своемъ дневникѣ. — О мой бѣдный Камиллъ, что будетъ съ тобой?.. Мы хотимъ быть свободными. Боже, чего это стоитъ!» Въ дневникѣ Люсиль ярко отражаются психологическія драмы, сопровождавшія переворотъ 10 августа. Въ простой, наивной формѣ она описываетъ тревоги и муки, пережитыя въ минуты, когда, вмѣстѣ съ женой Дантона, она съ трепетомъ ждала исхода движенія, дрожа за жизнь Камилла. Любовь къ нему пересиливала въ ней патріотизмъ. Только много позднѣе, когда миновала опасность, она съ гордостью говоритъ о дѣятельномъ участіи въ немъ мужа. «Я узнала впослѣдствіи,—писала она,— что онъ подвергался опасности». 10 августа, кончившееся уничтоженіемъ монархіи, произвело переворотъ и въ жизни Дэму-

лена. При образованіи новаго министерства Дантонъ сталъ министромъ юстиціи, Демуленъ — его секретаремъ. Камиллъ съ торжествомъ сообщаетъ объ этомъ отцу. Протестуя противъ обвиненій его въ тщеславіи, онъ, въ то же время, не безъ самодовольства напоминалъ, какъ скептично относились въ семьѣ къ его политической карьерѣ. «Несмотря на всѣ ваши предсказанія, что изъ меня никогда ничего не выйдетъ,— писалъ онъ,—я достигъ послѣдней ступени, до которой можетъ дойти человѣкъ нашего соціальнаго положенія». Но тутъ неожиданно прорывается грустная нотка. Сердце ли его дрогнуло при видѣ человѣческихъ бѣдствій, вызванныхъ революціей, нервы ли потрясены напряженной дѣятельностью — у него съ новой силой прорывается чувство разочарованія. Упоминая о недоброжелательномъ, завистливомъ отношеніи къ нему земляковъ, Камиллъ объявляетъ: То, что они назовутъ моимъ счастьемъ, лишь усиливаетъ мою грусть... и сильнѣе заставляетъ чувствовать бѣдствія моихъ согражданъ и всего человѣчества». Возвышеніе Камилла не польстило самолюбію его отца. Вдали отъ очага революціи, старикъ съ усиливавшейся тревогой слѣдилъ за политической карьерой сына, неразрывно связавшаго свою судьбу съ судьбой революціи, и взглядъ его на событія поражаетъ трезвой проницательностью. Въ письмахъ къ сыну онъ предостерегаетъ его отъ духа партійности, гибельнаго какъ для него самого, такъ и для дѣла; предсказываетъ, что кризисъ далеко не кончился съ отмѣной монархіи, что въ лагерѣ побѣдителей возникнутъ вскорѣ раздоры и вражда... Въ то время эти пророческія слова не могли охладить революціонный пылъ Камилла. Прежде, чѣмъ отказаться отъ мечты всей своей жизни, ему предстояло пройти новый — послѣдній циклъ борьбы, надеждъ, разочарованій.

VI.

Избраніе Дэмулена въ члены Національнаго Конвента.—Отношеніе его къ процессу Людовика XVI.— Борьба съ Жирондой. „Исторія Бриссотинцевъ“.—Разочарованіе въ революціи. Постепенное измѣненіе политическихъ взглядовъ и настроенія Дэмулена.

Открытіе Національнаго Конвента 20 сентября 1792 года явилось новой стадіей въ политической дѣятельности Камилла Дэмулена. Его блестящій талантъ публициста, активное его уча-

стіе въ главныхъ событіяхъ революціи естественно должны были выдвинуть его на первый планъ въ минуту торжества республиканскихъ принциповъ: 20 сентября онъ былъ избранъ членомъ Конвента. Торжественно грандіозное зрѣлище представляла Франція при открытіи Національнаго Конвента. Монархія побѣждена. Внутренніе враги затихли, охваченные паникой. Битва при Вальми стяжала французской арміи всемірную славу. «Нынѣ наступила новая эра всемірной исторіи», сказалъ Гете, узнавъ о битвѣ при Вальми. Глубокое патріотическое чувство, воодушевившее побѣжденную армію, передалось и массѣ народа. Въ рѣшительную минуту смолкли личныя страсти, затихли партійные счеты и раздоры. На горизонтѣ Франціи, казалось, вставало новое яркое солнце, ослѣплявшее революціонныхъ оптимистовъ и заслонявшее предъ ними горькій опыть предшествовавшихъ лѣтъ. Въ упоеніи общей радости, всѣ спѣшили позабыть мрачныя картины сентябрьскихъ убійствъ, явившихся какъ бы прологомъ къ дѣятельности Національнаго Конвента. Камиллъ Дэмуленъ, игравшій въ этихъ событіяхъ роль пассивнаго, безпомощнаго зрителя, подобно многимъ своимъ единомышленникамъ, спѣшилъ простить и позабыть совершившіяся преступленія во имя новой, открывавшейся свѣтлой эры. «Какая чудная миссія предстояла намъ», говорилъ онъ, описывая открытіе Конвента. Новая прекрасная перспектива рисовалась передъ очарованнымъ взглядомъ Дэмулена. Онъ уже видѣлъ Францію счастливой и свободной: для этого стоило лишь утвердить законы, возстановить и преобразовать торговлю, поднять искусства; обратить совершившій революцію Парижъ въ коммерческій портъ, сдѣлать изъ него центръ для гражданъ всѣхъ департаментовъ; наконецъ, возстановить низшій классъ въ его первоначальныхъ правахъ, утвердить равенство, —словомъ «создать народъ» („le peuple à faire"—характерное выраженіе Дэмулена): какая чудная задача для дѣятельности истинныхъ патріотовъ! Дѣйствительность и на этотъ разъ должна была обмануть мечтателей-идеалистовъ. Первые шаги въ дѣятельности Конвента были далеки отъ мечты любви и мира, рисовавшейся передъ пылкой фантазіей Дэмулена. Къ принципіальнымъ разногласіямъ въ политическихъ взглядахъ жирондистовъ и монтаньяровъ присоединились теперь новые поводы къ взаимной враждѣ: между ними сталъ кровавый призракъ сентябрьскихъ убійствъ, допущенныхъ, если не вызванныхъ, партіей Горы. Согласіе между жирондистами и монтаньярами могло быть лишь временное, эфемерное, пока не разрубленъ былъ гордіевъ узелъ — не рѣшенъ вопросъ о судьбѣ монархіи. Опасность отъ коалиціи, всту-

пившейся за права Людовика XVI, временно сплотила дѣятелей противоположныхъ лагерей. Жирондисты, уже обвиняемые въ умѣренности, своимъ поведеніемъ на судѣ короля стремились доказать преданность свою республиканскимъ принципамъ. Представители обѣихъ главныхъ партій стояли за смертную казнь Людовика XVI; къ этому же взгляду примыкалъ и Дэмуленъ. Трудно согласиться съ біографомъ его, Кларети, объясняющимъ личными самолюбивыми мотивами поведеніе Дэмулена на процессѣ Людовика XVI. По его мнѣнію, Дэмуленъ, лишенный ораторскихъ талантовъ, хотѣлъ блеснуть рѣзкостью и крайностью своихъ взглядовъ. Такое обвиненіе вполнѣ голословно. Съ самаго начала революціи Дэмуленъ является приверженцемъ республиканскихъ принциповъ. Ожесточеніе противъ Людовика XVI въ то время захватило и лицъ, стоявшихъ далеко отъ кормила правленія, непричастныхъ политической борьбѣ. Такъ, Люсиль, кроткая, мягкая, женственная, вполнѣ раздѣляла крайніе взгляды мужа. Въ семьѣ Камилла было лишь одно вліяніе, трезвое и безпристрастное, давно тревожно слѣдившее за всѣми перипетіями его политической дѣятельности. Въ глазахъ старика Дэмулена, казнь Людовика XVI являлась жестокостью не только безполезной, но пятнавшей честь Франціи и опасной для дальнѣйшихъ судебъ республики. По его мнѣнію, «если революція завершилась [1]), кровь Людовика XVI безполезна для нея; проливать ее—значило высказывать опасеніе (за революцію), или же побивать повергнутаго врага, т.-е. отказаться отъ великодушія и достоинства, присущихъ истинному республиканцу, свободному французу». Принимая въ соображеніе крайніе взгляды сына, старикъ Дэмуленъ убѣждалъ его отказаться отъ подачи голоса на судѣ; такой отказъ, по его мнѣнію, былъ бы достаточно мотивированъ прежними его обличительными статьями, содѣйствовавшими ниспроверженію монархіи. «Какъ его обличитель,—писалъ отецъ-Камилла,—ты не можешь быть судьей, не оскорбляя чувства безпристрастности...» Зная слабыя струны Камилла, отецъ пытался повліять на него, воздѣйствуя на чувство самолюбія. «Ты достаточно заслужилъ благодарность отечества при учрежденіи республики и уничтоженіи монархіи,—писалъ онъ.—Смерть Людовика XVI ничего не прибавитъ къ твоей славѣ и можетъ даже омрачить ее въ измѣнчивомъ мнѣніи массы». Письмо это, искреннее и горячее, повидимому, не произвело впечатлѣнія на Камилла. Въ перепискѣ мы не находимъ его отвѣта отцу; да и врядъ ли, въ разгаръ борьбы, онъ могъ

---

[1]) Письмо къ Камиллу 10 декабря 1792 года.

обратить вниманіе на доводы и убѣжденія отца, такъ мало походившаго на него по характеру и взглядамъ. Черезъ мѣсяцъ старикъ Дэмуленъ шлетъ ему другое, послѣднее воззваніе, краснорѣчивое въ своемъ лаконизмѣ. «Сынъ мой, ты еще можешь обезсмертиться, но скоро будетъ уже поздно... Вотъ что на твоемъ мѣстѣ я бы сказалъ: «Я республиканецъ въ душѣ и по моимъ дѣйствіямъ... Я былъ однимъ изъ самыхъ пылкихъ обличителей Людовика XVI и, вслѣдствіе этого, я отказываюсь отъ голосованія. Меня къ этому обязываютъ мои строгіе принципы, достоинство Конвента, слава націи и т. д.» И это письмо, какъ предшествовавшее, не нашло отклика въ душѣ Камилла. Когда настала его очередь высказаться на судѣ короля, онъ сказалъ: «Я подаю голосъ за его смерть, быть-можетъ, слишкомъ поздно для чести Національнаго Конвента». Взглядъ свой Дэмуленъ подробно развилъ въ брошюрѣ: «О судѣ надъ Людовикомъ XVI», гдѣ онъ оспариваетъ, главнымъ образомъ, мнѣніе о неприкосновенности короля.

Вступивши вновь на путь насилія и крайнихъ мѣръ, Дэмуленъ послѣ казни короля обращаетъ свое оружіе противъ жирондистовъ. Въ данномъ случаѣ онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ воли болѣе сильной, характера властнаго и нетерпимаго. Ради Робеспьера Дэмуленъ отдалился отъ Дантона, склонявшагося къ примиренію съ жирондистами. Быть-можетъ, сердечныя симпатіи влекли Камилла къ Дантону, отзывчивому, прямому, великодушному при всѣхъ увлеченіяхъ пылкой, страстной природы; но Робеспьеръ импонировалъ ему, импонировалъ качествами, противоположными его собственному характеру, — и онъ послѣдовалъ за его знаменемъ. Въ борьбѣ противъ жиронды Робеспьеръ принялъ систему туманныхъ обличеній и намековъ, неопредѣленныхъ инсинуацій. Камиллъ подхватилъ всѣ эти неясныя обвиненія, создавши на нихъ «Исторію Бриссотинцевъ». Онъ краснорѣчиво говорилъ о предательствѣ Бриссо, лицемѣріи Ролана, сообщничествѣ Жансонэ съ Дюмурье, подкупности Гадэ и т. д., предлагая, въ заключеніе, изгнать ихъ изъ нѣдръ Національнаго Конвента. Былъ ли Камиллъ чистосердеченъ въ «Исторіи Бриссотинцевъ?» спрашиваетъ Маркъ Дюфрэсъ [1]) въ своемъ этюдѣ о Камиллѣ Дэмуленѣ. «Сомнѣваюсь,— отвѣчаетъ онъ,—ибо здѣсь излагаются обвиненія, ложность которыхъ доказана исторіей. Но я не смѣю обвинить его въ сознательной лжи».

Безъ сомнѣнія, Дэмуленъ твердо вѣрилъ въ существованіе заговора среди жирондистовъ и гордился его разоблаче-

---

[1]) La Libre Recherche Février, 1857.

ніемъ [1]). Другой вопросъ — вѣрилъ ли Камиллъ или, точнѣе выражаясь, провѣрилъ ли онъ преступленія, приписывавшіяся имъ въ частности тому или другому лицу изъ жиронды: въ пылу борьбы онъ могъ слѣдовать правилу — цѣль оправдываетъ средства, и безъ разбора наносить удары врагу, не отдѣляя праваго отъ виноватаго. Но, конечно, цѣли его, чуждыя личныхъ мотивовъ, сводились къ счастью и благу отечества. Обличенія Дэмулена, сотканныя изъ анекдотовъ и сплетенъ, въ юридическомъ отношеніи не могли имѣть значенія; тѣмъ не менѣе, ядъ памфлета сдѣлалъ свое дѣло, подорвавши популярность жирондистовъ. 31 мая, по свидѣтельству современниковъ, въ значительной степени подготовилось брошюрой Дэмулена. Первое его впечатлѣніе, какъ мы видѣли, было чувство торжества и гордости побѣдителя. Но, по мѣрѣ того, какъ развертывался процессъ жирондистовъ и росла чудовищная гидра клеветы, отношеніе его къ подсудимымъ измѣнялось. Быть-можетъ, въ этомъ измѣненіи значительную роль игралъ Дантонъ, давно уже протягивавшій жирондистамъ дружественную руку. Сохранившаяся традиція передаетъ, какъ однажды вечеромъ, въ роковое лѣто 1793 года, когда рѣшалась участь жирондистовъ, Дантонъ и Дэмуленъ шли вдоль Сены по набережной des Lunettes. Бесѣдуя о событіи 31 мая, Дантонъ вдругъ указалъ Камиллу на Сену, отражавшую въ своихъ волнахъ кроваво-красные лучи заходящаго солнца. «Смотри,—сказалъ Дантонъ, и глаза его наполнились слезами,—смотри, сколько крови!.. Да! слишкомъ много проливается крови! Берись же за перо, пиши, проси о милосердіи; я поддержу тебя!» И Камиллъ Дэмуленъ склонялся въ сторону милосердія и примиренія. Послѣ 31 мая въ его настроеніи постепенно замѣчается реакція. Усиленіе революціоннаго трибунала, законъ о подозрительныхъ, процедура суда надъ жирондистами, предвѣщавшая неминуемую ихъ гибель,—всѣ эти факты произвели на него потрясающее впечатлѣніе. Отвлеченныя доктрины могли лишь временно ослѣпить его; терроръ, какъ система, глубоко возмущалъ все его нравственное существо. Уже три года ранѣе, принявши прозвище генеральнаго прокурора фонаря, онъ почувствовалъ всю тягость роли верховнаго карателя и поспѣшилъ сбросить ее съ себя. Односторонній фанатизмъ былъ

---

[1]) „Мое послѣднее сочиненіе, предшествовавшее революціи 31 мая и явившееся ея манифестомъ,—съ гордостью писалъ Камиллъ отцу,—не мало способствовало разрушенію великой мины, подведенной Бриссотинцами“.

такъ же чуждъ ему, какъ и Дантону. Въ этомъ заключается характерное ихъ отличіе въ сравненіи съ узкими сектантами — Робеспьеромъ и Сенъ-Жюстомъ. Первые два — типическіе представители галльскаго племени. Увлекающіеся и порывистые, способные къ жестокости, но въ то же время и къ лучшимъ движеніямъ души, — отзывчивые, великодушные, они готовы были пожертвовать счастьемъ и жизнью ради любимаго отечества. Робеспьеръ и Сенъ-Жюстъ, его поклонникъ, принадлежали къ другой категоріи людей. Жрецы отвлеченнаго божества, холоднаго, бездушнаго, они были слѣпы и глухи къ окружавшей ихъ дѣйствительной жизни. Человѣческія страданія не трогали ихъ: вѣрные девизу «итти впередъ по пути, орошенному слезами и кровью», они стояли выше состраданія. При такомъ коренномъ различіи характера и темперамента, согласіе между этими четырьмя дѣятелями могло быть лишь кратковременно. Лѣто 1793 года положило начало ихъ разъединенію. Въ то время, какъ Робеспьеръ и Сенъ-Жюстъ творили судъ и расправу, Дантонъ, отстранившись отъ политики, удалился въ Арси, а Дэмуленъ все болѣе погружался въ мрачное настроеніе. При видѣ крушенія столькихъ жизней, молодыхъ и цвѣтущихъ, имъ овладѣвало сознаніе суеты суетъ, непрочности всего земного. «Жизнь, — писалъ онъ отцу (10 августа 1793 г.), — такъ перемѣшана съ бѣдствіями, и въ послѣдніе годы зло такъ разливается вокругъ меня, что, кажется, скоро настанетъ и мой чередъ итти ко дну». Слава и популярность, къ которымъ такъ всегда стремился Дэмуленъ, потеряли для него свое обаяніе, болѣе того — онъ тяготился ими. «О, если бы я могъ быть неизвѣстенъ! — восклицалъ онъ въ томъ же письмѣ. — Гдѣ то прибѣжище, то подземелье, которое могло бы укрыть меня съ женой, съ сыномъ, съ моими книгами. Я не могу забыть, что эти люди, которыхъ убиваютъ тысячами, имѣютъ дѣтей, отцовъ»... Въ этомъ воплѣ наболѣвшей души чуется приближеніе нравственнаго перелома, перехода къ инымъ взглядамъ, болѣе гуманнымъ, болѣе возвышеннымъ. «Есть минуты, — писалъ онъ, — когда я готовъ итти навстрѣчу смерти... чтобы избавиться отъ зрѣлища столькихъ бѣдствій и революціи... въ которой я вижу только честолюбіе и алчность». И это — тотъ pium desiderium, ради котораго онъ жилъ, боролся, жертвовалъ душевнымъ спокойствіемъ и миромъ? Одумавшись, Дэмуленъ какъ бы спѣшитъ загладить кощунственныя слова, вырвавшіяся въ порывѣ негодованія и горя. «Правда, — замѣчаетъ онъ, — свобода прессы — великое благо, мы обязаны ей революціей... Настоящее положеніе вещей несравненно лучше, чѣмъ четыре года тому назадъ, потому что есть

надежда его улучшить — надежда, не существующая при деспотизмѣ... «Но, — прибавляетъ онъ, — столько пролито крови, что, думается мнѣ, подобная жертва со стороны націи должна бы принести ей больше счастья».

31 октября, въ день приговора жирондистовъ, Дэмуленъ присутствовалъ на судѣ. Услышавъ роковой приговоръ, онъ воскликнулъ, потрясенный до глубины души: «О Боже мой! это я ихъ убилъ! Это мой «Обличенный Бриссо!..» Онъ ихъ погубилъ!» И, теряя присутствіе духа, блѣдный, дрожащій, онъ безсвязно повторялъ: «Я уйду, я не останусь».

VII.

„Старый Кордельеръ".—Разрывъ Дэмулена съ Робеспьеромъ.—Арестъ Дэмулена.— Процессъ Дантонистовъ. — Казнь Дэмулена.—Привлеченіе къ суду Люсиль Дэмуленъ и казнь ея.

Казнь жирондистовъ явилась окончательнымъ переломомъ въ жизни Дэмулена. Семейное счастіе, дружба, патріотическія надежды и мечтанія — все для него отравлено. Безсильный остановить теченіе террора, Дэмуленъ не мирится съ пассивной ролью; пробудившаяся совѣсть не даетъ ему покоя. И вотъ онъ бросается въ газетную полемику, пытаясь расшевелить общественное мнѣніе, воздѣйствовать на правительство черезъ посредство вліятельныхъ его членовъ, отрезвить сторонниковъ крайнихъ мѣръ. Правда, становясь адвокатомъ слабыхъ и угнетенныхъ, онъ въ то же время протягиваетъ руку побѣдителямъ, льститъ ихъ самолюбію, кадитъ кумирамъ толпы[1]); но въ этихъ выходкахъ сказывается не трусость, не личный страхъ, а недоумѣніе человѣка, попавшаго между двумя стульями. Очутившись лицомъ къ лицу съ фактами, являвшимися крайнимъ развитіемъ его собственныхъ политическихъ доктринъ, Камиллъ Дэмуленъ не умѣлъ сразу въ нихъ разобраться, опредѣлить отношеніе къ нимъ своихъ прежнихъ содѣятелей. Смущенный и растерянный, онъ то обличаетъ деспотизмъ комитетовъ, якобинцевъ, коммуны, то дѣлаетъ уступки духу времени, допуская извѣстные компромиссы, закрывая глаза на совершившіяся беззаконія. «Я знаю, — говорилъ онъ, — что въ великихъ

---

[1]) «Со времени смерти просвѣщеннаго великаго патріота, котораго я три года тому назадъ осмѣлился назвать божественнымъ Маратомъ» и т. д. Le Vieux Cordelier №

дѣлахъ позволительно уклоняться отъ строгихъ правилъ нравственности; это печально, но неизбѣжно». Ратуя за справедливость и гуманность, Дэмуленъ сознавалъ свое безсиліе. Перо его не притупилось, публицистическій талантъ не утратился, но времена уже другія: общественное мнѣніе задавлено, масса охвачена паникой; «власть имущіе» относятся къ нему подозрительно. Между ними лишь одинъ еще готовъ выступить его защитникомъ — Робеспьеръ, его другъ и кумиръ, теперь единственная опора. И Дэмуленъ стремится привлечь на свою сторону Робеспьера, превозноситъ его гражданскія добродѣтели, подчиняетъ его цензурѣ второй номеръ своей газеты, приноситъ ему въ жертву Клотса и Шометта, выводя ихъ на арену суда, какъ сѣятелей атеизма, пагубнаго для народной массы. Но все напрасно. Бурный потокъ террора несется дальше, увлекая за собой все новыя и новыя жертвы. Чувство самосохраненія, благоразумія, казалось, предписывало отступить отъ неравной, безплодной борьбы. Одинъ въ полѣ не воинъ — къ чему ставить на карту спокойствіе, безопасность, личное счастье, имѣя такъ мало шансовъ на успѣхъ? Дэмуленъ не послѣдовалъ этой обыденной узкой морали толпы,— не сложилъ оружія, преклонившись передъ правомъ сильнаго. Въ этомъ его вѣчная заслуга, возвышающая его надъ эгоистичной, трусливой массой. Потерявши всѣ прежнія связи, не увѣренный въ поддержкѣ Робеспьера, онъ отважно бросилъ вызовъ тираніи. Третій номеръ «Стараго Кордельера» принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ Камилла Дэмулена. Въ яркомъ образномъ описаніи онъ возсоздалъ здѣсь картину Римской имперіи въ эпоху Клавдія и Калигулы. «Въ древнемъ Римѣ,—по словамъ Тацита,—былъ законъ, опредѣлявшій преступленія противъ государства и оскорбленія величества... При преемникахъ Августа этотъ законъ вышелъ изъ всякихъ границъ... Все возбуждало подозрительность тирана. Былъ ли гражданинъ популяренъ,—онъ являлся соперникомъ государя, способнымъ вызвать междоусобную войну. Подозрителенъ. Избѣгалъ ли онъ, напротивъ, популярности,—уединенная жизнь обращала на него вниманіе, вызывала уваженіе. Подозрителенъ. Былъ ли онъ богатъ,— являлась опасность, чтобы народъ не совратился, благодаря его щедротамъ. Подозрителенъ» и т. д. Указывая на существованіе во Франціи двухъ пагубныхъ для республики партій — умѣренныхъ и крайнихъ, Камиллъ Дэмуленъ заранѣе протестовалъ противъ обвиненія въ проведеніи параллели между Римской имперіей и Франціей 1793 г. Тщетная предосторожность! Изображеніе порядковъ Римской имперіи естественно вызывало сравненіе съ

режимомъ террора; законы противъ подозрительныхъ являлись какъ бы отголоскомъ законовъ противъ оскорбленія величества; аналогія напрашивалась какъ бы сама собой изъ картины политическихъ нравовъ, заимствованной у Тацита. Напрасно также пытался Дэмуленъ приписать терроръ заговорамъ Питта, его стремленію унизить и очернить революцію въ глазахъ Европы. Сатира его поразила ядовитой стрѣлой не однихъ террористовъ, но отчасти и другихъ приверженцевъ республики. «Всѣ контръ-революціонеры,— говоритъ Луи Бланъ,— встрѣтили аплодисментами третій номеръ «Стараго Кордельера», всѣ старались увѣрить, что Камиллъ Дэмуленъ описалъ въ немъ исторію своего времени [1]). Злой рокъ, казалось, преслѣдовалъ Дэмулена, влагалъ оружіе противъ него въ руки злѣйшихъ его враговъ. Тѣмъ не менѣе, сколько ни пытались исказить смыслъ его великодушной проповѣди, историческая заслуга всецѣло остается за нимъ. И масса народа, подавленная, обезличенная, горячо откликнулась на рѣчи Дэмулена. 21 декабря у двери книгопродавца Дезенна толпилась масса покупателей, перехватывавшихъ другъ у друга четвертый номеръ «Стараго Кордельера»... Его со слезами читали на улицѣ... Раздался человѣческій голосъ всемогущаго состраданія, голосъ, пересѣкающій стѣны, опрокидывающій башни» [2]). ...Призывъ къ милосердію явился какъ бы лучомъ солнца, раздвинувшимъ грозныя тучи; мелькнула надежда на близкое осуществленіе идеаловъ революціи. Характеризуя истинное значеніе слова «свобода», Дэмуленъ доказывалъ безполезность террора, даже какъ временной мѣры. Никогда не говорилъ онъ такъ сильно, ярко, образно: великодушный порывъ вдохновилъ его до истиннаго, неподдѣльнаго краснорѣчія. «Думаютъ,— писалъ онъ,— что свобода, подобно дѣтскому возрасту, должна пройти черезъ крики и слезы прежде, чѣмъ достигнуть зрѣлаго возраста... Свобода не знаетъ ни старости ни дѣтства. У нея одинъ лишь возрастъ — силы и мужества... Неужели свобода — пустое слово?.. Неужели она олицетворяется оперной актрисой въ красномъ колпакѣ или статуей въ 46 футовъ высоты, которую предлагаетъ Давидъ?.. Нѣтъ, свобода, сошедшая съ неба, это счастье,

---

[1]) Описывая анархію 1793 года, Дэмуленъ говоритъ, между прочимъ: «Въ наше время во Франціи только армія не издаетъ, къ счастью, законовъ; ибо комиссары Конвента издаютъ законы; департаменты, дистрикты, муниципалитеты тоже; и, прости Господи, братскія общества тоже, кажется, издаютъ законы».

[2]) Michelet „La Révolution Française“ t. VII.

это разумъ, равенство, справедливость, это декларація правъ, это ваша великая конституція. Хотите ли, чтобы я призналъ ее, упалъ къ ея ногамъ, пролилъ бы для нея всю мою кровь? Отворите тюрьмы двумъ стамъ тысячъ гражданъ, которыхъ вы называете подозрительными, ибо въ декларации правъ нѣтъ дома для подозрительныхъ, а есть только домъ предварительнаго заключенія... И не думайте, что мѣра эта будетъ гибельна для республики: она будетъ самой революціонной изъ всѣхъ вашихъ мѣръ. Вы хотите истребить всѣхъ вашихъ враговъ гильотиной! Но развѣ это не безуміе? Можете ли вы казнить хоть одного человѣка, не создавши себѣ десяти враговъ изъ его семьи или друзей?»... Въ заключеніе своей прекрасной рѣчи, Дэмуленъ предлагаетъ учредить «комитетъ милосердія», какъ бы противополагая его комитетамъ «Общественнаго спасенія» и «Общественной безопасности». При этомъ онъ обращался съ воззваніемъ къ Робеспьеру: «О мой дорогой Робеспьеръ!.. О мой старый товарищъ!.. Вспомни урокъ исторіи и философіи, — что любовь сильнѣе и прочнѣе чувства страха, что добрыя дѣла положили основаніе религіи» и т. д.

Четвертый номеръ «Стараго Кордельера» послужилъ окончательнымъ разрывомъ между Дэмуленомъ и партіей крайнихъ. Робеспьеръ, прежде пытавшійся защитить его, теперь отъ него отступился: настойчивое напоминаніе Камилла о прежней ихъ солидарности вызвало въ немъ опасеніе и онъ, не задумываясь, пожертвовалъ другомъ, предоставивъ его роковой судьбѣ. Послѣ третьяго номера якобинскій клубъ разразился громомъ и молніей противъ Дэмулена; и 1-го пивоза Никола, присяжный революціоннаго трибунала, обвиняя его въ аристократизмѣ, произнесъ роковое слово: «Камиллъ Дэмуленъ, — сказалъ онъ, — уже давно близокъ къ гильотинѣ». Но всѣ угрозы оказались безсильными. Превратности судьбы укрѣпили Камилла, развили лучшія его душевныя свойства. Осыпанный обвиненіями Гебера, бросившаго ему въ лицо названія «ренегата», «негодяя», «низкаго интригана», онъ отвѣчалъ ему смѣлымъ обличеніемъ всей его политической дѣятельности, приводя въ подтвержденіе факты и цифры». «Или не знаешь ты, Геберъ, — такъ заканчиваетъ онъ свою филиппику въ 5-мъ номерѣ «Стараго Кордельера», — или не знаешь ты, что когда тираны Европы хотятъ унизить республику, увѣрить своихъ рабовъ, что Франція окутана мракомъ варварства, а Парижъ... населенъ вандалами, — не знаешь ты, несчастный, что они приводятъ въ своихъ газетахъ отрывки

твоихъ грязныхъ листковъ [1])? И этотъ новый патріотъ будетъ вѣчнымъ клеветникомъ ветерановъ... законодателемъ общественнаго мнѣнія, ментором французскаго народа! О времена, о нравы! О свобода прессы, послѣднее прибѣжище свободы народовъ, что съ тобой сталось?..» И, защищая любимую идею, Дэмуленъ возвышается до героизма. «Свобода мнѣній или смерть!—восклицаетъ онъ.—Товарищи, будемъ заботиться не о защитѣ нашей жизни, но о защитѣ свободы и принциповъ, какъ подобаетъ республиканцамъ!»

Камиллъ Дэмуленъ ясно сознавалъ все значеніе предстоявшей борьбы и ея исхода. Послѣднія событія революціи, сбросивши завѣсу ослѣпленія, расширили его духовный горизонтъ: онъ уже видѣлъ призракъ бѣдствій, ожидавшихъ Францію, онъ предугадывалъ Наполеона. «Катонъ и Брутъ,—писалъ Камиллъ въ томъ же 5-мъ номерѣ «Стараго Кордельера»,—всѣ повторяли: анархія, предоставляя власть всѣмъ, приводитъ къ господству надъ ними *одного*». Вотъ что страшитъ меня—уничтоженіе республики или ея расчлененіе». Предвидя новыя бѣдствія для Франціи, Дэмуленъ все болѣе впадаетъ въ мрачный пессимизмъ. Жизнерадостный отъ природы, отзывчивый на всѣ вопросы и интересы человѣческаго бытія, онъ испытывалъ тоску и утомленіе. Четыре года напряженной борьбы, съ перемѣнными фазисами надеждъ и разочарованій, унесли иллюзіи молодости: на смѣну идеальныхъ мечтаній явилась реакція, и недавній утопистъ съ горечью вспоминалъ изреченіе Соломона: «Мертвые счастливѣе живыхъ, и всѣхъ счастливѣе тотъ, кто никогда не родился».

Послѣ 5 и 6 номеровъ «Старый Кордельеръ» былъ пріостановленъ. Седьмой, посмертный, номеръ, направленный противъ дѣятельности комитетовъ, носитъ отпечатокъ благородной смѣлости, характеризующей послѣдній періодъ публицистической дѣятельности Дэмулена. Это была его лебединая пѣсня. Послѣ пятаго номера въ якобинскомъ клубѣ поднялся вопросъ объ исключеніи Дэмулена изъ членовъ общества, вмѣстѣ съ Фабромъ д'Эглантинъ и Бурдономъ (Bourdon de l'Oise). На сцену выступилъ Робеспьеръ. Желая спасти Дэмулена, не компрометируя самого себя, онъ отнесся къ нему свысока, съ оскорбительнымъ снисхожденіемъ. «Камиллъ,—сказалъ онъ,—избалованное дитя; у него были прекрасные задатки; дурныя общества сбили его съ пути, ввели въ заблужденіе!» Въ заключеніе рѣчи онъ предлагалъ оставить Камилла членомъ клуба, предавши сожженію его газету. «Сжечь не значитъ дать отвѣтъ», громко и твердо

[1]) Геберъ издавалъ газету подъ названіемъ: „Père Duchesne“.

возразилъ Дэмуленъ. За этимъ между прежними друзьями послѣдовалъ горячій споръ. Напрасно пытался Дантонъ предупредить разрывъ, убѣждая Камилла спокойно отнестись къ критикѣ дружбы. На слѣдующій день возобновились нападки на «Стараго Кордельера», при чемъ Робеспьеръ, отрекаясь отъ Дэмулена, ясно высказалъ свою дальнѣйшую политическую программу. Изгонятъ ли якобинцы или сохранятъ Дэмулена—это не важно. Важно одно— общественное дѣло, которому грозятъ два разряда лицъ—«умѣренные и крайніе». И, опредѣляя точнѣе свою мысль, Робеспьеръ прибавилъ: «Камиллъ и Геберъ равно неправы въ моихъ глазахъ» [1]). Засѣданіе въ якобинскомъ клубѣ 5-10 января, въ концѣ-концовъ, кончилось оправданіемъ Дэмулена; тѣмъ не менѣе, дѣло его было проиграно, и онъ это ясно сознавалъ. По отзывамъ современника, Міо де-Мелито, настроеніе его было мрачное, мысли постоянно вращались вокругъ смерти, казни и способа подготовиться мужественно и достойно встрѣтить смерть; въ рѣдкія минуты, когда природная веселость брала верхъ, въ смѣхѣ его и шуткахъ звучала трагическая нотка. «Будемъ пить, будемъ ѣсть, — говорилъ онъ друзьямъ, — а завтра мы умремъ». Люсиль, быть-можетъ, еще сознательнѣе относилась къ надвигающейся опасности. Послѣ разрыва Дэмулена съ Робеспьеромъ, она обратилась съ воззваніемъ къ Фрерону, близкому другу и прежнему газетному сотруднику Камилла, въ то время находившемуся въ отсутствіи. «Возвращайтесь скорѣй, Фреронъ, — писала она. — Не теряйте времени... Вы не можете себѣ представить, что здѣсь творится!.. Насъ преслѣдуютъ невѣжды, интриганы и даже патріоты; Робеспьеръ, вашъ путеводитель, обвинилъ Камилла въ якобинскомъ клубѣ и по прочтеніи 3-го и 4-го номеровъ «Стараго Кордельера» потребовалъ, чтобы ихъ сожгли, онъ, который читалъ ихъ въ рукописи!.. Два вечера подъ рядъ онъ громилъ Камилла въ клубѣ... Марія (Дантонъ) уже не слушаютъ, онъ падаетъ духомъ и слабѣетъ. Д'Эглантинъ арестованъ, заключенъ въ Люксембургѣ... Я вижу вокругъ себя только несчастныхъ. Признаюсь, я слиш-

[1]) Уже раньше, въ «Письмѣ къ генералу Дюллону», онъ возсталъ противъ себя двухъ могущественныхъ членовъ «Комитета Общественнаго спасенія» Билло Варенна и Сенъ-Жюста, упрекнувши перваго въ трусости, а второго «въ маніи величія». «Послѣ Лежандра,—писалъ Дэмуленъ, — всѣхъ выше мнитъ о себѣ Сенъ-Жюстъ. Судя по его походкѣ и манерамъ, онъ считаетъ свою голову краеугольнымъ камнемъ республики и несетъ ее на плечахъ съ благоговѣніемъ, какъ чашу со святыми дарами». Эти неосторожныя слова еще болѣе вооружили противъ него Сенъ-Жюста, не прощавшаго личныхъ обидъ.

комъ слаба, чтобы вынести такое печальное зрѣлище. Жизнь становится въ тяжесть...

Въ ночь съ 30 на 31 марта стража явилась арестовать Демулена. Между тѣмъ, какъ Люсиль, въ порывѣ отчаянія, рыдала, не выпуская его изъ объятій, Камиллъ сохранилъ присутствіе духа. Онъ одѣлся, поцѣловалъ сына, обнялъ жену, успокоивая, утѣшая ее и затѣмъ послѣдовалъ за стражей [1]). Его заключили въ Люксембургскую тюрьму. Одновременно съ нимъ арестовали Дантона, Лакруа и Филиппо. На слѣдующій день депутатъ Лежандръ, пытаясь защитить Дантонистовъ въ Конвентѣ, предложилъ, чтобы они были выслушаны собраніемъ. «Защищая Дантона, — сказалъ Робеспьеръ, — Лежандръ думаетъ, вѣроятно, что имя это привилегировано: нѣтъ, мы не хотимъ привилегій, не хотимъ идоловъ... Одни соучастники могутъ заступаться за измѣнниковъ». Гроль рукоплесканій встрѣтилъ слова Робеспьера. Лежандръ побѣдѣлъ, умолкъ и поспѣшилъ преклониться передъ торжествующей силой, назвавъ своихъ друзей «преступниками». Такъ смолкъ единственный слабый голосъ протеста раздавшійся въ пользу Дантона и его сторонниковъ. Терроризированное Собраніе поспѣшило заявить свою солидарность съ Робеспьеромъ. Затѣмъ раздался голосъ Сенъ-Жюста, — голосъ безпощадный, звучавшій, какъ смертный приговоръ. «Республика въ нарочъ, — сказалъ онъ, — а не въ репутаціи нѣсколькихъ лицъ». Главные удары свои Сенъ-Жюстъ направилъ противъ Дантона; о Камиллѣ Демуленѣ онъ отозвался презрительно, какъ о простякѣ, въ концѣ-концовъ сдѣлавшемся соучастникомъ. Всѣ четверо обвинялись въ роялистскомъ заговорѣ, подкупѣ, измѣнѣ. Конвентъ привѣтствовалъ докладъ Сенъ-Жюста шумными, единодушными рукоплесканіями и Кутонъ, прославляя его покорность, воскликнулъ: «Конвентъ идетъ, какъ армія, военнымъ шагомъ».

---

[1]) На слѣдующій день послѣ ареста Камилла, г-жа Дюплэсси и Люсиль стояли заплаканныя у кроватки маленькаго Горація... Мрачный, раздраженный, г. Дюплэсси ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ... Вдругъ, поднявъ голову, онъ замѣтилъ на стѣнѣ гипсовую статую свободы, которую поставилъ туда Камиллъ. Изображеніе свободы показалось ему горькой пробой. Онъ схватилъ статую и, взглянувши на нее съ ненавистью и злобой, поднялъ руку, чтобы вдребезги разбить ее. Въ эту минуту Люсиль, слѣдившая за его жестами и взглядомъ, бросилась къ нему и схватила за руку. «Нѣтъ, отецъ, — сказала она твердо, — ты долженъ ее уважать: онъ умираетъ за нее!» Oeuvres de Camille Desmoulins, recueillies d'après les textes originaux et précédées d'une étude biographique et littéraire par Jules Claretie. Ed. 1874.

Между тѣмъ, Люсиль, убитая горемъ, тщетно пыталась спасти Камилла. Всѣ ея надежды сосредоточились на Робеспьерѣ, бывшемъ другѣ Камилла: но Робеспьеръ оказался недоступнымъ. Тогда она написала ему письмо, страстное, раздирательное и, въ то же время, гордое, полное сознанія нравственнаго превосходства любимаго человѣка, за котораго она просила [1]). Нѣсколько дней поздиѣе адвокатомъ Камилла выступилъ его отецъ. Обращаясь письменно къ Фукье Тэнвилю, онъ свидѣтельствовалъ о патріотизмѣ и безупречной честности сына и, во имя справедливости, требовалъ разслѣдованія его поведенія, какъ гражданина. «Гражданинъ-соотечественникъ, — писалъ старикъ Дэмуленъ, — говорю тебѣ по искреннему убѣжденію, Камиллъ Дэмуленъ — истый республиканецъ, республиканецъ по чувству, по принципамъ и, такъ сказать, по инстинкту... Его полное безкорыстіе и любовь къ истинѣ — двѣ характерныя добродѣтели, которыя я внушилъ ему съ колыбели... всегда держали его на высотѣ революціи... Гражданинъ, во имя справедливости и отечества, прошу тебя лишь объ одномъ, чтобы ты произвелъ лично и судомъ присяжныхъ слѣдствіе о поведеніи моего сына [2]).

Камиллъ, переступивъ порогъ тюрьмы, потерялъ всякую надежду на правосудіе и справедливость, къ которымъ взывалъ его отецъ. Онъ заранѣе чувствовалъ себя приговореннымъ. Письма его къ Люсиль проникнуты глубокой печалью и мрачными предчувствіями. Изъ окопъ тюрьмы видиѣлся Люксембургскій садъ; тамъ онъ въ теченіе восьми лѣтъ встрѣчался съ Люсиль и полюбилъ ее. Сколько онъ долженъ былъ передумать и перечувствовать при видѣ мѣстъ, гдѣ столько было имъ пережито! Подъ вліяніемъ воспоминаній, радостныхъ и печальныхъ въ то же время, прошедшее дѣлалось настоящимъ,—Люсиль стояла передъ нимъ, какъ живая... Въ своихъ письмахъ къ ней Камиллъ пытается успокоить и ободрить ее. «Мое оправданіе, — писалъ онъ, — заключается въ 8 томахъ моихъ сочиненій. Это хорошее изголовье, на которомъ покоится моя совѣсть, въ ожиданіи суда потомства». И затѣмъ, прося Люсиль прислать сочиненіе о безсмертіи души, онъ прибавлялъ: «Мнѣ нужно убѣдиться, что есть Богъ, болѣе справедливый.

---

1) «Смѣешь ли ты обвинять насъ въ измѣнѣ отечеству,—писала она, между прочимъ, — ты, который уже такъ воспользовался тѣмъ, что мы для него сдѣлали... Можешь ли отвергнуть мою мольбу, мои слезы, попрать справедливость?» и т. д. Письмо это осталось недоконченнымъ и не достигло своего назначенія.

2) Фукье получилъ это письмо слишкомъ уже поздно, послѣ казни Камилла.

чѣмъ люди, и что мы свидимся съ тобой. Но не огорчайся слишкомъ — я еще не совсѣмъ отчаиваюсь въ людяхъ и въ моёмъ освобожденіи; да, дорогая моя, быть-можетъ, мы еще свидимся съ тобой въ Люксембургскомъ саду! Но пришли мнѣ ту книгу!» Еще патетичнѣе и трогательнѣе третье и послѣднее письмо Камилла къ Люсиль. Приводимъ изъ него нѣкоторые отрывки, обрисовывающіе нравственное его настроеніе въ послѣдніе дни жизни. «Благотворный сонъ временно избавилъ меня отъ печалей,—писалъ онъ 12 жерминаля.—Когда спишь, чувствуешь себя свободнымъ, не сознаешь неволи... Но, когда я открылъ окно, мысль о моемъ одиночествѣ, желѣзная рѣшетка, отдѣляющая меня отъ тебя, побѣдили мою твердость. Я зарыдалъ, восклицая въ моей могилѣ: Люсиль! Люсиль! гдѣ ты?.. Говорятъ, невинность спокойна, мужественна. О, моя дорогая Люсиль! Часто я чувствую себя слабымъ, какъ мужъ, какъ отецъ, какъ сынъ! Если бы со мной такъ поступилъ Питтъ или Кобургъ; но мои товарищи! но Робеспьеръ, подписавшій приказъ о моемъ заключеніи въ тюрьму!.. Сократъ выпилъ ядъ; но, по крайней мѣрѣ, онъ видѣлся въ тюрьмѣ съ друзьями и женой... Меня зовутъ». Письмо прерывается предварительнымъ допросомъ, къ которому призвали Камилла. По окончаніи его онъ продолжаетъ: «Сейчасъ меня допрашивали комиссары правительства. Мнѣ предложили лишь одинъ вопросъ: участвовалъ ли я въ заговорѣ противъ республики? Какая насмѣшка! и можно ли такъ оскорблять истаго республиканца! Я предвижу ожидающую меня судьбу. Прощай. Ты видишь на мнѣ примѣръ человѣческаго варварства и неблагодарности. Мои послѣднія минуты не обезчестятъ тебя... Я уношу съ собой уваженіе и сожалѣніе всѣхъ истинныхъ республиканцевъ, всѣхъ людей, добродѣтель и свободу... Утѣшься, несчастная вдова! Эпитафія твоего бѣднаго Камилла славнѣе эпитафій Брута и Катона»... Но здѣсь при мысли о всемъ, что утрачено, Камиллъ на минуту теряетъ самообладаніе: герой уступаетъ мѣсто простому смертному. «О моя Люсиль!—восклицаетъ онъ.—Я родился, чтобы писать стихи, защищать несчастныхъ, сдѣлать тебя счастливой... Я мечталъ о республикѣ, которую бы всѣ обожали. Не вѣрилось мнѣ, что люди такъ свирѣпы и несправедливы... Мы умираемъ жертвой нашего мужества и нашей любви къ истинѣ. Мы можемъ унести съ собой свидѣтельство, что мы погибаемъ послѣдними изъ республиканцевъ. Прости, моя дорогая, если я занимаюсь моей посмертной памятью. Я долженъ бы стараться, чтобы ты меня позабыла. Моя Люсиль!.. Живи для Горація, говори ему обо мнѣ... Несмотря на мою

казнь, я вѣрю, что есть Богъ. Кровь моя загладитъ мои ошибки, слабости человѣчества... И развѣ смерть, избавляющая отъ зрѣлища столькихъ преступленій,—такое великое несчастье? Прощай, моя жизнь, моя душа, мое божество на землѣ... Берегъ жизни удаляется отъ меня. Я еще вижу Люсиль!.. Угасающіе мои взоры покоятся на тебѣ».

Послѣ перваго допроса заключенныхъ вручили обвинительный актъ и перевели ихъ въ Консьержери. Во время пути, Лакруа и Дантонъ улыбались, Филиппо сохранялъ гордый видъ, Дэмуленъ былъ задумчивъ и печаленъ. «Я иду на эшафотъ за то, что пролилъ нѣсколько слезъ надъ участью несчастныхъ,—сказалъ Камиллъ, входя въ Консьержери[1]). «Мое единственное сожалѣніе передъ смертью, что я не могъ спасти ихъ». При появленіи Камилла, многіе заключенные, безъ различія сословій и партій, окружили его, громко заявляя ему свое сочувствіе.

13 жерминаля подсудимые предстали передъ трибуналомъ. Допросъ былъ чисто формальный; исходъ суда заранѣе былъ предрѣшенъ. Чтобы очернить Дантонистовъ въ глазахъ массы, процессъ ихъ соединили съ процессомъ нѣсколькихъ воровъ и мошенниковъ. Дантонъ понялъ цѣль своихъ враговъ и протестовалъ противъ смѣшенія съ плутами[2]). Величественная его фигура производила импонирующее впечатлѣніе въ залѣ суда; его могущественный голосъ всѣхъ покрывалъ, заглушая звонки президента; каждое его слово, достигая до народной массы, тѣснившейся вокругъ залы суда, переходило изъ устъ въ уста и распространялось подобно электрической искрѣ. Сохранившіеся документы процесса свидѣтельствуютъ о тревожномъ состояніи, въ которомъ находились предсѣдатель суда Германъ и обвинитель Фукье Тэнвиль. Смущенные смѣлостью Дантона и впечатлѣніемъ, которое производила на присутствующихъ его защита, они обмѣнивались во время суда краткими, краснорѣчивыми записками. «Черезъ полчаса,—писалъ Германъ Фукье,—я прекращу защиту Дантона и тогда надо принять мѣры». —«Когда мы дойдемъ до Бельгійскаго вопроса,—гласила другая записка,—надо поторопиться». 13 жерминаля на запросъ Германа, призы-

[1]) «Я учредилъ революціонный трибуналъ,—сказалъ Дантонъ, входя въ Консьержери.—Да простятъ меня за это Господь Богъ и люди! Но цѣль моя была не безчеловѣчна; я хотѣлъ предупредить новыя сентябрьскія убійства». И онъ прибавилъ: «Лучше быть бѣднымъ рыбакомъ, чѣмъ управлять людьми».

[2]) На вопросъ президента революціоннаго трибунала, спрашивавшаго его имя и мѣсто жительства, Дантонъ отвѣчалъ: «Мое жилище вскорѣ будетъ небытіе; имя же мое вы найдете въ пантеонѣ исторіи».

вать ли свидѣтелей, которыхъ требовали обвиняемые, оба комитета отвѣчали отрицательно. 15 жерминаля, въ виду протеста обвиняемыхъ противъ подобнаго нарушенія закона, Фукье обратился за содѣйствіемъ къ Конвенту [1]). Отъ имени комитетовъ Общественнаго Спасенія и Безопасности, Сенъ-Жюстъ представилъ Конвенту докладъ — искусственное сплетеніе голословныхъ обвиненій и софизмовъ, имѣвшихъ цѣлью выставить подсудимыхъ опасными заговорщиками. «Вы избѣгли величайшихъ опасностей, когда-либо грозившихъ свободѣ,—такъ начинался докладъ,—теперь всѣ соучастники открыты... Возмущается ли передъ закономъ человѣкъ невинный! Дерзость ихъ служитъ доказательствомъ ихъ покушеній... Несчастные! Сопротивляясь законамъ, они признаютъ свое преступленіе» [2])... По прочтеніи доклада Сенъ-Жюста, Конвентъ единогласно принялъ его предложеніе о лишеніи подсудимыхъ права защиты [3]). Къ докладу

[1]) Вопіющее беззаконіе, съ которымъ велся процессъ Дантонистовъ, подтверждается показаніемъ регистратора революціоннаго трибунала Париса: «Такъ какъ обвиненія не были подтверждены ни доказательствами ни документами, Дантону нетрудно было справдаться. Большинство присутствующихъ встрѣтило его рѣчи аплодисментами, что не согласовалось съ желаніями трибунала. Президентъ лишилъ его слова подъ предлогомъ усталости. На слѣдующій день Дантонъ просилъ слова, чтобы докончить свое оправданіе, ему въ этомъ отказали... Дантонъ, Камиллъ и Филиппо потребовали, чтобъ вызвали депутатовъ, ихъ коллегъ... Вмѣсто того, чтобы исполнить справедливыя требованія обвиняемыхъ Фукье написалъ письмо въ комитетъ Общественнаго Спасенія, представляя ихъ мошенниками... Въ Люксембурѣ подстроили мнимый заговоръ, съ помощью котораго добились отъ Конвента декрета, лишавшаго обвиняемыхъ защиты; роковой декретъ доставилъ Амаръ, въ сопровожденіи Вулана. Свидѣтель былъ въ залѣ, когда они явились, блѣдные, съ лицомъ, выражавшимъ страхъ, чтобы ихъ жертвы не ускользнули отъ смерти... Они послали за Фукье... онъ тотчасъ явился. «Вотъ что васъ успокоитъ», сказалъ Вуланъ, указывая на декретъ. Фукье отвѣчалъ: «Да, намъ это было нужно». Онъ вернулся въ залъ съ довольнымъ видомъ, прочелъ всѣмъ извѣстный декретъ и показаніе злодѣя Нафлетта; обвиненные содрогнулись отъ ужаса, слыша подобную ложь. Послѣ этого они уже болѣе не появлялись въ залѣ суда. Ихъ заключили каждаго отдѣльно въ тюрьму, и въ тотъ же день Фукье отправилъ ихъ на эшафотъ» (Показаніе Париса на судѣ Фукье Тэнвиля).

[2]) Въ докладѣ Сенъ-Жюста встрѣчаются свойственныя ему высокопарно-патетическія тирады: «Подобно вамъ, мы защитимъ отечество нашими тѣлами. Смерть—ничто, лишь бы побѣдила революція; настанетъ день славы, когда римскій сенатъ вступилъ въ борьбу съ Катилиной»...

[3]) Національный Конвентъ постановляетъ... что президентъ революціоннаго трибунала употребитъ всѣ средства, предоставляемыя ему закономъ, чтобы подавить всякую попытку обвиняемыхъ, клонящуюся къ нарушенію общественнаго спокойствія, къ замедленію процедуры

Сенъ-Жюста присовокупили доносеніе шпіона Лафлотта, обвинявшаго генерала Дильона съ Люсиль Дэмуленъ въ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью освобожденіе обвиняемыхъ. Вѣсть объ опасности, угрожавшей Люсиль, явилась для Камилла послѣдней каплей, переполнившей чашу его страданій. «Злодѣи, — воскликнулъ онъ, въ порывѣ отчаянія и гнѣва,—мало имъ убить меня, они хотятъ убить мою жену!»

Дальнѣйшее веденіе дѣла было пустой формальностью. На вопросы о виновности подсудимыхъ судъ присяжныхъ отвѣчалъ утвердительно: Дантонъ, Дэмуленъ, Филиппо и другіе признавались виновными въ заговорѣ, «имѣвшемъ цѣлью возстановленіе монархіи, разрушеніе національнаго представительства и республиканскаго правленія». Когда регистраторъ явился въ Консьержери для прочтенія приговора, подсудимые отказались выслушать его. «Это безполезно,—замѣтилъ Дантонъ,—пусть насъ ведутъ на гильотину». Камиллъ Дэмуленъ, услышавъ роковой приговоръ, на минуту потерялъ присутствіе духа; онъ повторялъ, рыдая: «Горацій! Люсиль! Моя дорогая! Что будетъ съ ними!?» Дантонъ не измѣнилъ себѣ и передъ лицомъ смерти. «Пусть дѣйствуютъ въ томъ же духѣ,—сказалъ онъ.—Когда подсудимые, смѣясь, идутъ на казнь, тогда настало время разбить косу смерти». Онъ пересыпалъ свои замѣчанія циничными, грубыми шутками, подсмѣиваясь надъ слезами Камилла; затѣмъ, бросивъ шутливый тонъ, онъ замѣтилъ: «Мы кончили свое дѣло, теперь успемъ». Между тѣмъ насталъ часъ приготовленія къ казни. Когда явился палачъ съ помощниками, Камиллъ пытался оказать сопротивленіе. Разсказываютъ, что онъ попросилъ Дантона вложить ему въ связанныя руки локонъ волосъ Люсиль, который онъ носилъ на груди. Дантонъ исполнилъ его просьбу и затѣмъ съ презрительной улыбкой отдался въ руки палача. У двери тюрьмы ожидали двѣ повозки, окруженныя жандармами. Толпа народа тѣснилась вокругъ «Palais de Justice», съ нетерпѣніемъ ожидая появленія великаго трибуна. «Звѣри,— сказалъ Дантонъ, садясь между Дэмуленомъ и Фабромъ д'Эглантинъ и указывая на толпу.—При видѣ насъ они закричатъ: «Да здравствуетъ республика!» Черезъ часъ республика лишится своей главы!» Повозки двинулись въ путь, жандармы пришпорили лошадей; дрогнула, заволновалась несмѣтная масса народа, заполонившая всю набережную вплоть до площади Революціи. Въ настроеніи ея преобладало любопытство,

суда. Постановляетъ, что каждый, обвиненный въ заговорѣ, который станетъ сопротивляться національному суду или оскорблять его, будетъ лишенъ права защиты и немедленно преданъ суду».

къ которому примѣшивалось отчасти недоумѣніе. При видѣ Дантона и его друзей, осужденныхъ на казнь, наиболѣе проницательные спрашивали себя — не насталъ ли конецъ революціи? Большинство глазѣло, весело смѣясь и распѣвая Марсельезу. Какія мысли, полныя презрѣнія и горечи, должно было вызывать въ осужденныхъ зрѣлище этой волнующейся, вѣчно измѣнчивой массы, весело привѣтствовавшей гибель своихъ недавнихъ кумировъ! Между тѣмъ какъ Дантонъ сохранялъ невозмутимое хладнокровіе, Дэмуленъ, въ припадкѣ отчаянія, пытался сорвать съ себя цѣпи, обращался съ воззваніемъ къ толпѣ. «Тебя обманываютъ, народъ!—кричалъ онъ,—убиваютъ твоихъ вѣрныхъ друзей! И ея ли въ 89 году призывалъ тебя къ оружію! Не я ли первый взывалъ къ свободѣ! Оскорбленія и брань были отвѣтомъ на вопли Камилла. «Успокойся,—сказалъ ему Дантонъ.—Брось эту сволочь!» Между тѣмъ, повозка медленно двигалась, приближаясь къ площади Революціи. Проѣзжая мимо дома Робеспьера, Дэмуленъ бросилъ ему послѣднее проклятіе. «Убійцы!» воскликнулъ онъ,—они не переживутъ меня». Вся площадь Революціи кишѣла, какъ муравейникъ, тысячами человѣческихъ существъ, жадно тѣснившихся вокругъ мѣста казни. Въ ожиданіи послѣдняго акта драмы, зрители беззаботно распивали въ кофейняхъ, смѣясь и перебрасываясь шутками. Былъ чудный апрѣльскій вечеръ, ясный и теплый. Лучъ заходящаго солнца освѣщалъ величественную гипсовую статую свободы, передъ которой преклонилась, умирая, г-жа Ролланъ. На Тюильрійскихъ террасахъ цвѣла сирень; воздухъ былъ полонъ благоуханій, птицы весело пѣли свои весеннія пѣсни: вся картина яснаго жизнерадостнаго апрѣльскаго вечера представляла свѣтлый фонъ, на которомъ еще мрачнѣе выступалъ эшафотъ. Повозка остановилась у подножія гильотины. Палачъ приступилъ къ отправленію своей должности. Изъ пятнадцати приговоренныхъ первымъ погибъ Геро де-Семель. Передъ смертью онъ хотѣлъ поцѣловаться съ Дантономъ: помощники палача воспротивились этому. «Глупцы, сказалъ Дантонъ, пожимая плечами,—вѣдь вы не помѣшаете нашимъ головамъ поцѣловаться сейчасъ въ корзинѣ». Когда настала очередь Дэмулена, онъ нашелъ въ себѣ достаточно твердости и присутствія духа, чтобы достойно встрѣтить смерть. «Вотъ,— горько замѣтилъ онъ, взглянувъ на гильотину, — какой конецъ ожидалъ перваго апостола свободы!» Затѣмъ, попросивъ передать тещѣ хранившійся при немъ локонъ волосъ Люсиль, онъ воскликнулъ: «О моя бѣдная жена!» Это были его послѣднія слова. Въ то самое время, какъ совершалась казнь Дэмулена, Вадье объявлялъ на трибунѣ Конвента о заго-

ворѣ, составленномъ въ тюрьмѣ Диллономъ, сообща съ другими преступниками. «Они составили,—сказалъ онъ,—шайку злодѣевъ, которые должны были... овладѣть аллеями комитетовъ Общественнаго Спасенія и Безопасности, напасть на ихъ членовъ и убить ихъ... И люди эти,—прибавилъ онъ,—еще дышутъ!» Вадье смѣнилъ на трибунѣ Кутонъ, потребовавшій новыхъ смертныхъ приговоровъ. Въ слѣдующую же ночь обвиненныхъ заключили въ Консьержери. Всѣмъ имъ приписывался заговоръ противъ Національнаго Конвента; Люсиль Дэмуленъ и Диллонъ, кромѣ того, обвинялись Фукье Тэнвилемъ въ попыткѣ «возстановить на французскомъ престолѣ Людовика XVI». Люсиль держала себя передъ революціоннымъ трибуналомъ мужественно и безстрашно. Она отрицательно отвѣтила на всѣ взведенныя на нее обвиненія. Вся вина ея заключалась въ горячей любви къ Камиллу: во время его заключенія она долгіе часы бродила вокругъ его тюрьмы, издали обмѣниваясь съ нимъ взглядами и знаками. Этого было достаточно, чтобы погубить ее. 24 жерминаля состоялся смертный приговоръ надъ вдовой Дэмулена и восемнадцатью другими обвиненными. Люсиль, равнодушная и безучастная во время суда, привѣтствовала близкую развязку, какъ желанное избавленіе. Услышавъ приговоръ, она подняла голову, глаза ея радостно засвѣтились. «О счастье!—воскликнула она.—Черезъ нѣсколько часовъ я буду съ моимъ Камилломъ!» И, обратившись въ сторону судей, она прибавила: «Оставляя эту землю, гдѣ меня ничто теперь не удерживаетъ, я менѣе достойна сожалѣнія, чѣмъ вы, которые до своей позорной смерти будете мучиться угрызеніями за то, что сдѣлали». По странной ироніи судьбы, вмѣстѣ съ Люсиль революціонный трибуналъ приговорилъ къ эшафоту вдову Гебера, одного изъ злѣйшихъ враговъ Камилла. Несчастье сблизило обѣихъ женщинъ. Во время процесса «онѣ вмѣстѣ сидѣли и плакали на дворѣ Консьержери». Одинъ изъ свидѣтелей процесса, Граппра, передаетъ, что въ день приговора вдова Гебера сказала, обращаясь къ Люсиль: «Какъ ты счастлива! Никто не обвинялъ тебя, нѣтъ тѣни на твоемъ поведеніи; ты выйдешь изъ жизни съ честью». Между тѣмъ, какъ вдова Гебера плакала, Люсиль улыбалась. «Кровь женщины,—говорила она,—изгнала Тарквиніевъ изъ Рима. Пусть же моя кровь уничтожитъ тиранію». Обрѣзавъ волосы, она послала ихъ матери, съ краткой запиской: «Прощай, милая мама. Я скоро усну въ спокойствіи невинности». Когда подъѣхала повозка, чтобы везти осужденныхъ на казнь, генералъ Диллонъ подошелъ къ Люсиль и поклонился ей. «Я сожалѣю,—сказала она,—что являюсь причиной вашей смерти».

Дилонъ улыбнулся, возразивъ, что она явилась лишь предлогомъ для его осужденія, и, въ свою очередь, обратился къ ней со словами соболѣзнованія. Люсиль прервала его. «Взгляните, развѣ я похожа на женщину, которой нужны утѣшенія!» Одѣтая вся въ бѣлое, торжественная, сіяющая, Люсиль походила на мученицу первыхъ временъ христіанства. «Я видѣлъ эту молодую женщину,—разсказываетъ Тиссо,—и сохранилъ о ней непзгладимое впечатлѣніе... Къ воспоминанію объ ея красотѣ, о дѣвственной прелести всего ея существа... присоединяется восхищеніе передъ ея мужествомъ»... Люсиль Дэмуленъ до конца сохранила ясное, безмятежное состояніе духа. Для нея ступени эшафота были какъ бы ступени алтаря, гдѣ она должна была вновь соединиться съ Камилломъ. Она вошла на него съ спокойнымъ достоинствомъ, радостная, привѣтливая и встрѣтила смерть съ мужественной твердостью древней римлянки.

На мрачномъ фонѣ эпохи террора, запятнавшемъ великую революцію, рельефно выступаетъ юный, свѣтлый образъ Люсиль. Болѣе женственная, чѣмъ ея знаменитая современница, г-жа Ролапъ, не выдѣляясь, подобно ей, непреклонной волей, сильнымъ умомъ, блестящимъ талантомъ, Люсиль не играла самостоятельной роли въ революціи. Съ энтузіазмомъ отдавшись революціонному теченію, она не имѣла самостоятельныхъ политическихъ взглядовъ, не относилась критически къ совершавшимся событіямъ революціи. Вся сила ея заключалась въ любви, самоотверженной и преданной; и это чувство любви, наполнившее всю краткую жизнь Люсиль, возвысило ее передъ эшафотомъ до героизма.

Поэтическій образъ Люсиль, промелькнувшій въ темные анналы исторіи, чтобы исчезнуть такъ безвременно и трагически, бросаетъ смягчающій свѣтъ на личность и дѣятельность Камилла Дэмулена. Суровый приговоръ историка невольно смягчается передъ тѣмъ, кто такъ сильно любилъ и такъ много страдалъ во имя любви. Великой заслугой Камилла является его самоотверженность, глубокая преданность идеямъ человѣческаго блага. Сознавъ свои заблужденія, онъ, не колеблясь, предпочелъ долгъ личному счастью, принесъ ему въ жертву свою жизнь и жизнь любимой женщины. Въ этомъ отношеніи примѣръ его глубоко назидателенъ для нашего времени. «Старый Кордельеръ»—воззваніе Дэмулена къ чувству гуманности и состраданія,—вотъ его вѣчный, славный памятникъ, предъ которымъ должны съ благодарностью преклониться позднѣйшія поколѣнія.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОТЕКА.

Алексѣевъ, В.

Земскіе соборы и народное представительство. Ц. 7 к.

Вѣтринскій, Ч.

Гуманистъ сороковыхъ годовъ (Т. Н. Грановскій). Ц. 15 к.

Гольцева, Н. А.

Женское движеніе въ Соединенныхъ Штатахъ. Ц. 7 к

Делевскій, Ю.

Поэзія и проза французской политической жизни. Ц. 10 к.

Дживелеговъ, А. К.

Ростъ представительныхъ учрежденій на Западѣ. Ц. 10 к.

Довнаръ-Запольскій, М. В.

Реформа общеобразовательной школы при императрицѣ Екатеринѣ II. Ц. 15 к.

Его же.

Зарожденіе министерствъ въ Россіи. Ц. 25 к.

Его же.

Историческій процессъ русскаго народа въ русской исторической наукѣ. Ц. 10 к.

Довнаръ-Запольскій, М. В.

Страница изъ исторіи крѣпостного права въ XVIII—XIX вв. Ц. 20 к.

Его же.

Политическіе идеалы М. М. Сперанскаго. Ц. 20 к.

Лунцъ, М.

Фабрикантъ и рабочій. Двѣ жизни. Ц. 10 к.

Милль, Д. С.

Избирательныя права женщинъ. Переводъ Н. Мировичъ. Ц. 10 к.

Мировичъ, Н.

Очерки изъ истор. велик. франц. революц.

Камиллъ Дэмуленъ. Ц. 15 к.

Шарлотта Кордэ. Ц. 10 к.

Сенъ-Жюстъ. Ц. 10 к.

Новикъ, И. Д.

Московскіе земскіе соборы. Ц. 15 к.

Освободитель Швейцаріи Вильгельмъ Телль. (По Шиллеру.) Ц. 10 к.

Новыя книги:

Врачъ Виноградова-Лукирская, М. И.

Бесѣда о холерѣ. Ц. 7 к.

Крюковъ, Н. А.

Праздники древонасажденія, какъ ихъ устраивать и какъ заводить посадку. Ц. 15 к.

Крюковъ, Н. А.

Чѣмъ живетъ и на чемъ зиждется сельское хозяйство. Ц. 15 к.

Тищенко, Ѳ.

Люди темные. Быль, разсказанная крестьяниномъ. Ц. 10 к.

Книжные магазины Т-ва И. Д. Сытина

въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ростовѣ-на-Дону, Екатеринбургѣ, Воронежѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Иркутскѣ и на Нижегородской ярмаркѣ.

2020125862